

Карин Фоссум

Глаз Эвы

Фоссум К.

Глаз Эвы / К. Фоссум —

Норвежская королева детектива впервые на русском языке! Редко испытываешь подобное напряжение и леденящий ужас, поданные настолько тонко и убедительно. Карин Фоссум удалось создать такую атмосферу, которая захватывает целиком и держит в напряжении до самой последней страницы, добиваясь эффекта полного погружения в настоящий кошмар. Лейтенант Конрад Сейер ведет расследование...

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Фоссум Карин

Глаз Эвы

Посвящается отцу

Это был настоящий кукольный домик.

Крохотный домик с красными оконными рамами и кружевными занавесками на окнах. Он остановился, немного не доходя, но ничего не услышал – только собаку, которая тяжело дышала рядом, и легкий шелест в кронах старых яблонь. Он постоял еще немного, чувствуя, как ботинки пропитываются влагой на мокрой траве. Еще он чувствовал, что сердце все еще не может вернуться к обычному ритму – после той «гонки с преследованием» в саду. Собака смотрела на него и ждала. Из огромной пасти шел пар, она принохивалась к чему-то в темноте, уши подрагивали – возможно, она различала какие-то звуки, не слышимые ему. Он обернулся и посмотрел на особняк за спиной, где горел свет, где было так тепло и уютно. Их никто не слышал, даже собаку, когда она лаяла. Машину он оставил чуть дальше, на дороге – двумя колесами на тротуаре и с открытой дверью.

Она боится собак, подумал он удивленно. Он наклонился и ухватил пса за ошейник, а потом медленно пошел к двери. В таком крохотном домике явно не может быть черного хода, даже наверняка и замка в двери нет. Очевидно, сейчас, когда дверь захлопнулась, до нее дошло, что она угодила в ловушку. Выхода нет. У нее нет ни единого шанса.

Здание суда было бетонное, семиэтажное. Оно как бы заслоняло главную улицу города, принимая на себя порывы холодного ветра с реки. За зданием суда, в глубине, стояли в укрытии новые корпуса; зимой это было настоящее божье благословение, но летом они просто плавались в неподвижном воздухе. Фасад здания суда был украшен крайне современным изображением госпожи Юстиции над входом. Если смотреть издали – например, встать чуть пониже, у заправки «Статойл», – она гораздо больше походила на ведьму на метле. Полиции и Окружной тюрьме принадлежали три верхних этажа здания суда, да еще эти новые корпуса.

Дверь распахнулась с жалобным стоном. Фру Бреннинген вздрогнула и заложила книгу пальцем – на фразе «перевес вероятных доказательств». В приемную вошли инспектор полиции Сейер и с ним женщина. Выглядела она неважно: на подбородке – рана, плащ и юбка порваны, изо рта бежит струйка крови. Вообще-то фру Бреннинген не имела обыкновения пялиться на людей. В комнатке дежурного в здании суда она сидела уже 17 лет, и кого ей только не доводилось видеть, но сейчас она просто не могла удержаться. Она даже захлопнула свою книгу, заложив старым автобусным билетиком. Сейер взял женщину под руку и ввел ее в лифт. Она шла, опустив голову. Двери лифта захлопнулись за ними.

Лицо у Сейера было непроницаемое, никогда нельзя было угадать, о чем он думает. Поэтому выглядел он сурово, хотя на самом деле просто был сдержанным человеком. За маской суровости скрывался человек, в общем-то, довольно дружелюбный. Не сказать, чтобы он расточал улыбки направо и налево, – нет, он улыбался, только когда хотел расположить к себе собеседника. А хвалил кого-то еще реже.

Сейер закрыл дверь и кивнул на стул, потом вытянул полметра бумажных полотенец из сушки над раковиной, смочил их теплой водой и протянул женщине. Она вытерла рот и огляделась. Кабинет выглядел довольно голым, но она продолжала исследовать его и увидела детские рисунки на стенах и маленькую фигурку тролля из соленого теста на письменном столе. Все это явно свидетельствовало о том, что у инспектора есть еще какая-то жизнь за пределами этой неуютной комнаты. Фигурка изображала полицейского в фиолетовой униформе, сильно ссутулившегося, с животом на коленках и в слишком больших башмаках. Полицейский из теста был не слишком похож на того, кто послужил для него моделью; этот человек сейчас сидел напротив нее, рассматривая серьезными серыми глазами.

На столе стояли кассетник и компьютер «СотраС». Женщина украдкой взглянула на них и спрятала лицо в комке мокрой бумаги. Полицейский не мешал ей. Поискал и нашел кассету, написал на белом прямоугольничке: «Эва Мария Магнус».

– Вы боитесь собак? – спросил он дружелюбно.

Она подняла на него глаза.

– Может быть, раньше. Сейчас уже не боюсь. – Она скомкала бумагу, получился шар. – Раньше я всего боялась. А теперь ничего не боюсь.

Река, пенясь, с ревом неслась по холодному городу, разрывая его на два дрожащих от холода серых полотнища. Был апрель. Холодный апрель. А в центре города, примерно у Центральной больницы, река начинала бурлить еще больше, течение становилось все стремительнее, как будто ей досаждали шум машин и грохот, доносящийся с фабрик, как будто река испытывала от всего этого настоящий стресс. Она извивалась, течение убыстрялось тем сильнее, чем глубже в город она проникала. Мимо старого театра и Народного дома, вдоль железнодорожных путей и дальше, мимо рыночной площади, к старой Бирже, переделанной теперь в «Макдоналдс», потом вниз, к пивоварне, выкрашенной в красивый пастельно-серый цвет и к тому же самой старой в стране, к гипермаркету «Cash&Carry», автомобильному мосту, большой промзоне, где было много автомагазинов, и, наконец, к старому придорожному кафе. Там река могла перевести дух, прежде чем стать частью моря.

Было довольно поздно, солнце уже село; пройдет совсем немного времени, и пивоварня из скучного гигантского здания превратится в сказочный чертог, тысячи огней которого будут отражаться в реке. Этот город становился красивым только с наступлением темноты.

Эва следила глазами за девочкой, бегающей вдоль берега реки. Их разделяло примерно метров десять, и она старалась, чтобы это расстояние не увеличивалось. День был серый, народу на пешеходных дорожках было совсем немного, с реки дул порывистый ветер. Эва следила, не идет ли к ним кто-нибудь с собакой, и увидев кого-нибудь, особенно если собака была без поводка, она вся съеживалась и успокаивалась только после того, как он проходил мимо. Сейчас она никого не видела. Юбка развевалась, ветер проникал под вязаный свитер, поэтому она шла, зябко обхватив себя обеими руками. Эмма, довольная, семенила дальше, не слишком грациозно – для этого она была полновата. Толстая девочка с большим ртом и грубоватыми чертами лица. Волосы у нее были рыжие, они трепались на ветру и били ее по лицу и шее; воздух был очень влажный, поэтому волосы выглядели неопрятно. Ее никак нельзя было назвать хорошенькой или миленькой девчушкой, но сама она об этом не подозревала, поэтому шла, беззаботно подпрыгивая – при полном отсутствии изящества, но с тем невероятным аппетитом к жизни, который присущ только детям. Четыре месяца до начала занятий в школе, подумала Эва. В один прекрасный день она увидит свое отражение в критических взглядах сверстников на школьном дворе, впервые поймет, насколько она нехороша. Но если она сильная девочка, если она похожа на своего отца, который нашел себе другую, сложил вещички и съехал, то

она даже и думать об этом не будет. Вот о чем думала Эва Магнус. Об этом, а еще о плаще, который висел на крючке в коридоре у нее дома.

Эва знала каждую выбоину на пешеходной дорожке, потому что они часто здесь гуляли. А все Эмма – она приставала к ней, и кланчила, и никак не хотела отказаться от этой старой привычки – гулять вдоль берега реки. Эва вполне могла обойтись без этих прогулок. Девочка то и дело подбегала к самой кромке воды, потому что ей все время попадалось на глаза что-нибудь, что она хотела рассмотреть получше. Эва следила за ней, как коршун. Если Эмма свалится в воду, спасти ее придется ей самой – больше некому. Река была своенравная, вода – ледяная, а девочка – весьма увесистая. Эве даже зябко стало от мысли о том, что – не дай бог! – придется лезть в воду.

Сейчас Эмма обнаружила гладкую плиту у воды и принялась махать и кричать, звать мать. Эва спустилась к ней. Места там было достаточно, чтобы усестись вдвоем.

– Мы не будем здесь сидеть, она мокрая. Можно подхватить воспаление мочевого пузыря.

– А это опасно?

– Нет, но больно. Жжет, и все время хочется писать.

Но они все равно уселись на плиту. Обе следили глазами за маленькими водоворотиками на воде и удивлялись, как они получаются.

– А почему река течет? – спросила Эмма.

– Ой, господи, откуда я знаю?! Может, это как-то связано с тем, что на дне... Я вообще мало что знаю. Вот пойдешь в школу, и там тебе расскажут обо всем.

– Ты всегда начинаешь говорить про школу, когда не знаешь, что ответить.

– Да, что поделаешь. Во всяком случае, сможешь спросить у учительницы. Учительница в школе знает гораздо больше, чем я.

– Не думаю...

Мимо по течению пронеслась пластиковая канистра.

– Ой, она мне так нужна! Достань!

– Нет уж, уволь! Пусть себе плывет. Это же мусор, Эмма! И вообще, я замерзла. Может, пойдём домой?

– Ну, еще немножечко!

Эмма уселась поудобнее, подтянула коленки к подбородку, заправила волосы за уши, но они были непослушные и все равно выбивались.

– А там глубоко? – Она кивнула на середину реки.

– Да нет, не особо, – ответила Эва. – Метров восемь или девять – не больше.

– Но это же глубоко!

– Нет. Самое глубокое место в мире находится в Тихом океане, – произнесла она задумчиво. – Это такая впадина. Ее глубина одиннадцать тысяч метров. Вот это, я понимаю, глубоко.

– Не хотелось бы мне там купаться. Ты все знаешь, мамочка, я не думаю, что учительница знает про эту... впадину. Я хочу розовый рюкзак! – неожиданно выпалила она.

Эва замерла.

– М-м-м, – нерешительно сказала она. – Он симпатичный. Но, видишь ли, он ужасно быстро пачкается. Мне больше нравятся коричневые. Я хочу сказать – рюкзаки для школы. Ты видела? Я имею в виду – такие, с какими ходят взрослые ребята.

– Но я ведь еще не взрослая. Я же только в первый класс пойду.

– Да, верно, но ты растешь, а я не смогу покупать тебе новый рюкзак каждый год.

– Но ведь у нас сейчас больше денег, правда?

Эва не ответила. Услышав вопрос, она быстро обернулась, чтобы посмотреть, не идет ли кто-то за ними. Такая у нее появилась привычка. Эмма подняла палочку и сунула ее в воду.

– А почему в воде пена? – продолжала она. – Такая желтая, противная... – Она била по воде палочкой. – Что, опять в школе спросить?

Эва по-прежнему молчала. Она тоже сидела, подтянув колени к подбородку. Мысли ее были далеко-далеко. Глаза затуманились, фигурка Эммы размылась. Река напомнила ей о чем-то. Теперь она видела там, в черной воде, лицо, круглое, с узкими глазами и черными бровями.

- Ложись на кровать, Эва!
- Что? Зачем?
- Делай, что говорю! Ложись на кровать!

- А можно в «Макдоналдс»? – спросила Эмма.
- Что?! Да, конечно. Пошли в «Макдоналдс», там, по крайней мере, тепло.

Эва встала, все еще пребывая в некоторой отключке, и взяла дочь за руку. Покачала головой и посмотрела на реку. Лицо пропало, но она знала, что оно вернется; может быть, это лицо будет преследовать ее до конца жизни. Они снова вскарабкались на пешеходную тропинку и медленно побрели назад в город. Больше на тропинке никого не было.

Эве казалось, что ее мысли живут как бы отдельно от нее, разбредаются, идут каждая своим путем, задерживаясь на том, о чем она предпочла бы забыть. Река бурлила, Эве все время чудилось, что на поверхности появляются какие-то неясные, причудливые фигуры. Когда же они, наконец, исчезнут? Когда же она обретет покой? А время шло... Один день, потом другой, потом еще один – вот и шесть месяцев прошло.

– А можно мне гамбургер с детским подарком? Он стоит тридцать семь крон, ведь у меня нет Аладдина!

- Хорошо.
- А ты что будешь, мама? Курицу?
- Пока не знаю.

Она не могла оторвать взгляда от черной воды, при мысли о еде ее даже затошнило. Она вообще никогда не думала о еде. Сейчас она смотрела, как река то поднимается, то снова опускается – вся в хлопьях серо-желтой пены.

- Ведь у нас же сейчас больше денег? Да, мамочка? Можем есть, что захотим, правда?

Эва не ответила. Она вдруг остановилась и крепко зажмурилась. Прямо на поверхности воды болталось что-то серо-белое. Оно слабо качалось на воде, прибитое к берегу сильным течением. Она не могла отвести от этого глаз и совсем позабыла про девочку, которая тоже остановилась и которая видела гораздо лучше матери.

– Там... человек! – прокричала Эмма осипшим голосом. Она вцепилась в материнскую руку, глаза ее широко раскрылись от изумления. Несколько секунд они стояли, как приклеенные, и, не отрываясь, смотрели на бесформенную, очевидно полуразложившуюся фигуру, качающуюся среди камней ногами к берегу. Человек лежал на животе.

На затылке у него волос было совсем мало, они видели пятнышко-плешь. Эва даже не заметила, как пальцы впились в кожу, расцарапав ее до крови через свитер, она смотрела на этот серо-белый труп со светлыми спутанными волосами и не могла вспомнить, где она видела его раньше. Но кроссовки – сине-белые, высокие, полосатые кроссовки... Внезапно она ощутила во рту вкус крови.

- Там человек, – снова сказала Эмма, уже тише.
- Эве хотелось закричать. В горле что-то клокотало, но она не могла произнести ни звука.
- Он утонул. Бедняга. Утонул, Эмма!
- А почему он такой страшный? Он же, как желе!
- Потому что, – она запнулась, – потому что прошло много времени.
- Она закусил губу так сильно, что губа треснула. Опять вкус крови. Она пошатнулась.
- Давай его перевернем!
- Ты что, с ума сошла? Это дело полиции.

– А ты им позвонишь?

Эва обхватила дочь рукой за пухлые плечики и подтолкнула по направлению к дороге. Она посмотрела через плечо, как будто ожидая внезапного нападения и не зная, с какой стороны оно последует. При въезде на мост стояла телефонная будка; Эва тащила дочку к ней и одновременно шарила по карманам в поисках мелочи. Наконец она нашла пятикрановую монетку. Полуразложившийся труп так и стоял у нее перед глазами, как дурное предзнаменование. Она только-только успокоилась, время как бы покрыло все ужасные воспоминания слоем пыли, кошмар слегка поблек. Но сейчас сердце ее под свитером громко стучало, она почти потеряла контроль над собой. Эмма молчала. Испуганными серыми глазами она смотрела на мать. Они остановились.

– Жди здесь. Я позвоню и попрошу их приехать и забрать его. Никуда не уходи!

– А мы будем их ждать?

– Нет, не будем.

Эва прошмыгнула в телефонную будку, стараясь не поддаваться панике. В ее голове роились тысячи мыслей и идей, но она отбросила их одну за другой. А потом быстро приняла решение. Потными пальцами она опустила в прорезь монетку и быстро набрала номер. Отец поднял трубку. Голос у него был очень усталый, ей показалось, что он отвечает спросонья.

– Это я, Эва, – почти прошептала она. – Я что, тебя разбудила?

– Да, но мне все равно уже пора было вставать. А то скоро круглые сутки буду дрыхнуть. Что-то случилось? – пробурчал он. – Ты чем-то взволнована. И не спорь со мной, я слышу по голосу, я тебя хорошо знаю.

Голос его был сухой и немного хриплый, но все равно решительный, ей всегда нравилась эта решительность в его голосе. Он возвращал ее к действительности.

– Нет, все в порядке. Мы с Эммой решили немного пройтись и как раз шли мимо телефонной будки.

– Дай-ка ей трубку!

– Она сейчас у воды.

Она следила за цифрами в окошечке телефона-автомата, у нее уже почти не осталось времени, она быстро посмотрела на Эмму, нос девочки прижался к стеклу будки. Прижатый к стеклу нос был похож на комок марципана. Интересно, могла ли она слышать их разговор?

– У меня нет больше мелочи. Давай мы лучше к тебе как-нибудь подъедем! На днях. Если ты не против...

– А почему ты говоришь шепотом? – подозрительно спросил отец.

– Разве? – произнесла она немного громче.

– Обними за меня мою девочку. Я тут для нее кое-что припас, так что непременно приезжайте.

– Что?

– Школьный рюкзак. Ведь ей же осенью понадобится рюкзак, правда? Я подумал, что этот расход вполне могу взять на себя, тебе и так нелегко приходится.

Если бы он только знал! Но вслух она произнесла:

– Папа, как мило с твоей стороны! Но она уже решила, какой именно рюкзак хочет. Его можно обменять?

– Да, конечно, хотя я купил именно такой, какой мне посоветовали. Розовый, кожаный...

Эва постаралась, чтобы голос ее звучал, как обычно:

– Ну, пока, папа, денег больше нет. Береги себя! – Раздался щелчок, и связь прервалась.

Цифры в окошечке исчезли.

Эмма прыгала от нетерпения.

– Они сразу же приедут?

– Да, сказали, что машина выезжает. Пошли в «Макдоналдс». Они позвонят, если мы им понадобится, не сейчас, может быть, позже, они с нами свяжутся. Ведь это, по правде говоря, не имеет к нам никакого отношения. – Она говорила, как в бреду, запыхавшись, как от быстрого бега.

– А мы не можем подождать и посмотреть, как они подъедут? Ну, пожалуйста!

Эва покачала головой. Перебежала улицу наискосок, на красный свет, волоча за собой Эмму. Они довольно забавно смотрелись, эти двое. Эва – высокая и худая, с узкими плечами и длинными темными волосами, и Эмма – толстенькая и широкая, с кривоватыми ногами и походкой вразвалочку. Обе замерзли. И город тоже замерз от холодных порывов ветра с реки. «На редкость негармоничный город, – подумала Эва. – Как будто он никогда не может быть по-настоящему счастливым, потому что поделен надвое». Сейчас обе части города соревновались между собой: чей статус выше? Северная часть с церковью, кинотеатром и самыми дорогими универмагами; и южная часть с железной дорогой, дешевыми торговыми центрами, пивными и «Винной монополией»¹.

Последнее было очень важно, поскольку обеспечивало постоянный приток человеко-денег по мосту.

– А почему он утонул, мама? – Эмма пристально смотрела в лицо матери, ожидая ответа.

– Не знаю. Может быть, напился и упал в реку.

– А может, он ловил рыбу и выпал из лодки? Надо было спасательный жилет надевать. А он был старый, мама?

– Да не особенно. Такого же возраста, как папа.

– Ну, папа-то плавать умеет, – вздохнула Эмма с облегчением.

Они подошли к выкрашенной в зеленый цвет двери в «Макдоналдс». Эмма навалилась на нее боком, и дверь открылась. Запахи гамбургеров и картошки-фри словно бы придали ей ускорение – девочка никогда не страдала от отсутствия аппетита. И утопленник, и вообще вся суровая правда жизни вмиг были позабыты. В животе у Эммы урчало, да и Аладдин был уже в пределах досягаемости.

– Пойди поищи столик, – велела Эва. – А я пока все куплю.

Эмма направилась в угол, где она любила сидеть. Уселась под цветущим миндальным деревом из пластика, а Эва встала в очередь. Она попыталась выбросить из головы картину, которая все еще стояла у нее перед глазами, но покойник не хотел пропадать. Интересно, забудет ли случившееся Эмма? Или примется рассказывать всем и каждому? А что, если ей станут сниться кошмары по ночам? Им надо молчать об этом, не говорить на эту тему даже друг с другом. И в конце концов Эмме покажется, что ничего никогда и не было.

Очередь, хоть и медленно, двигалась. Эва невидящими глазами смотрела на парней и девушек в красных рубашках с короткими рукавами за прилавком: на головах у них были красные козырьки, работали они в бешеном темпе. В ноздри Эве ударил запах жаренного на сале мяса, расплавленного сыра и всевозможных пряностей. Но молодые люди за прилавком, казалось, не реагировали на тяжелый чад, они сновали туда-сюда, как неумолимые красные муравьи, и жизнерадостно улыбались, принимая заказы. Она смотрела на быстрые руки и легкие ноги, порхавшие по полу. Как мало это напоминало ее собственный рабочий день! Большую часть времени она проводила в мастерской, стоя посреди комнаты, обхватив себя за плечи, глядя на натянутый холст, как на врага. Иногда она смотрела на него с мольбой. В удачные дни Эва сначала агрессивно, не отрываясь, смотрела на него, а потом бросалась в наступление, напористая и уверенная в себе. Картины удавалось продать редко.

– «Хэппи мил», – быстро проговорила она. – И еще курицу и две колы. Не могли бы вы вложить Аладдина, у дочки только его нет, будьте добры!

¹ Сеть магазинов, где продается спиртное. (Здесь и далее примеч. перев.)

Девушка принялась за работу. Руки переворачивали и жарили, паковали и расправляли – все это с молниеносной быстротой. Эмма вытягивала шею в своем углу, высматривая мать с подносом. Вдруг колени у Эвы задрожали. Она опустилась за столик и с некоторым удивлением уставилась на свою дочь, которая с энтузиазмом пыталась открыть маленький картонный домик. Она искала подарок. От восторженного крика у Эвы заложило уши.

– Мама, у меня Аладдин? – Она подняла фигурку над головой, чтобы все могли ее увидеть. Многие обернулись и уставились на девочку. Эва спрятала лицо в ладони и всхлипнула.

– Тебе плохо, мамочка?

– Нет, просто нервы. Это скоро пройдет.

– Ты расстроилась из-за того дяденьки, который умер?

Эва вздрогнула.

– Да, – призналась она. – Я расстроилась из-за него. Но давай не будем о нем больше говорить. Никогда. Слышишь меня, Эмма? И никому! Потому что это очень грустно.

– А как ты думаешь, у него есть дети?

Эва вытерла лицо рукой. Она уже больше не была уверена в будущем. Она смотрела на курицу, на коричневые кусочки, обжаренные в масле, и чувствовала, что есть их не может. Перед глазами у нее опять появились прежние картины. Она видела их сквозь листву миндального дерева.

– Да, – наконец произнесла она и вытерла лицо еще раз. – Вполне возможно.

Пожилая дама, выгуливавшая собаку, совершенно случайно обратила внимание на сине – белую кроссовку, торчащую из камней. Так же, как и Эва, она позвонила из телефонной будки у моста, но на сей раз действительно в полицию. Когда прибыла полицейская машина, женщина с беспомощным выражением лица стояла на берегу, повернувшись спиной к трупу. Один из полицейских, по фамилии Карлсен, первым вылез из машины. Он вежливо улыбнулся, увидев женщину, и с любопытством уставился на ее собаку.

– Это голая китайская собака, – объяснила она.

Голая китайская собака представляла собой чудесное создание, немного жалкое, очень розовое и морщинистое. На темечке у нее был густой пучок грязно-желтого меха, а так она была – правду сказала хозяйка – голая.

– А как ее зовут? – спросил он из вежливости.

– Адам, – ответила хозяйка.

Он кивнул и улыбнулся, а потом нырнул в багажник за чемоданчиком, в котором лежало все, что бывает необходимо в таких случаях. Покойник был довольно тяжелый, но в конце концов полицейским удалось вытащить его на берег; они положили его на брезент. Утопленник, конечно, не был тяжеловесом, он просто раздулся, потому что много времени провел в воде. Дама с собачкой отошла в сторонку. Полицейские работали, негромко переговариваясь между собой. Фотограф снимал, судмедэксперт, стоя на коленях у брезента, делал свои записи. Смерть в подавляющем большинстве случаев имеет вполне тривиальные причины. Может, алкаш в воду свалился – под мостом и на пешеходных дорожках у реки по вечерам их слонялось немало. Этому было от двадцати до сорока, довольно стройный, но с «пивным» животиком, светловолосый, не слишком высокий. Карлсен натянул на правую руку резиновую перчатку и осторожно приподнял края его рубашки.

– Ножевое ранение, – коротко бросил он. – И не одно, а несколько. Давайте-ка его перевернем.

Все разговоры смолкли. Слышно только было, как снимают и надевают резиновые перчатки, как щелкает фотоаппарат, как кто-то дышит, как шуршит разворачиваемая пластиковая простыня.

– Интересно, – пробормотал Карлсен. – Неужели мы наконец-то нашли Эйнарссона?

Бумажника при покойнике не было. Но наручные часы были на месте – пижонские, с многочисленными наворотами, например, они показывали время в Нью-Йорке, Токио и Лондоне. Черный ремешок врезался в распухшее запястье. Тело довольно долго пробыло в воде, вероятнее всего, его принесло течением издалека, так что место, где он был найден, интереса не представляло. Тем не менее полицейские тщательно исследовали его, искали на берегу следы, но нашли только пустую пластмассовую канистру, в которой когда-то был антифриз, и пустую пачку из-под сигарет. Наверху, на пешеходной дорожке, уже стала собираться толпа, в основном молодежь; ребята вытягивали шеи, пытаясь хоть одним глазком взглянуть на труп, лежащий на брезенте. Тело уже начало разлагаться, кожа отошла от костей, особенно пострадали ступни и руки – казалось, что на них огромные перчатки. И все у покойника изменило цвет. Глаза, когда-то зеленые, стали прозрачными и бесцветными. Волосы поредели, лицо разбухло до такой степени, что черты его совершенно расплылись. Всякая живность типа раков, рыбы и насекомых, населявшая реку, основательно потрудились над телом. Раны, нанесенные ножом, зияли, как огромные трещины, в бело-сером мясе.

– А я здесь раньше часто рыбу ловил, – сказал один из парней, стоявших на дорожке. За все семнадцать лет своей жизни он впервые увидел покойника. Он раньше никогда не думал о смерти или думал так же мало, как о Боге, – ведь с ними еще никогда не встречался. Он подтянул воротник куртки к подбородку и поежился. Оказалось, что возможно.

Через четырнадцать дней был получен протокол вскрытия. Инспектор Конрад Сейер собрал в конференц-зале, который находился в одном из корпусов за зданием суда, шестерых сотрудников. Эти корпуса построили сравнительно недавно – необходимы были новые помещения. Тут располагались офисы, скрытые от людских глаз, их почти никто никогда не видел – за исключением заблудших душ, вступающих с полицией в более тесный контакт. Кое-что уже удалось выяснить. Они знали имя и фамилию потерпевшего, кстати, узнали сразу, поскольку на внутренней стороне его обручального кольца было выгравировано имя «Юрунн». Папка, датированная октябрём прошлого года, содержала все сведения о пропавшем Эгиле Эйнарсоне, тридцати восьми лет, проживающем на улице Розенкранцгате в доме 16. В последний раз его видели 5 октября в 9 часов вечера. У него остались жена и шестилетний сын. Папка была тонкая, но скоро ей суждено было пополнеть. Она уже потолстела – в частности, благодаря свежим фотографиям. Когда Эйнарсон пропал, полицейские опросили многих людей. Жену, коллег по работе и родственников, соседей и друзей. Никто из них не смог рассказать ничего существенного. Возможно, он и не был ангелом, но врагов у него не было, во всяком случае, никто о них не знал. Он работал на пивоварне, каждый день приходил домой, где его ждал ужин, и большую часть свободного времени проводил в гараже, где возился с машиной, которую буквально обожал, или же сидел в пабе в южной части города вместе с приятелями. Пивная носила название «Королевское оружие». Либо Эйнарсону просто жутко не повезло, и он стал жертвой какого-то отчаянного наркомана, которому нужны были деньги, – героин понемногу стал прибирать город к рукам; или же у него была какая-то тайна. Возможно, задолжал кому-то.

Сейер опустил глаза в протокол и почесал затылок. Его всегда потрясала работа судебных медиков. Ведь им удавалось создать из полусгнившей массы – кожи и волос, костей и мускулов – целого человека. Человека определенного возраста, который весил столько-то килограмм-

мов, имел иные физические параметры, определенное состояние здоровья, возможно, страдал каким-то недугом, перенес операции в прошлом, посещал зубного врача и имел какие-то наследственные заболевания.

– В желудке остатки сыра, мяса, паприки и лука, – сказал он вслух. – Похоже на пиццу.

– Неужели это можно определить через полгода?

– Ну да, если рыбы все не подъели. Такое тоже бывает.

Мужчина, носивший столь благозвучную фамилию², был сделан из солидного материала. Ему шел сорок девятый год, руки его уже успели по локоть загореть, рукава рубашки он обычно закатывал, под кожей хорошо видны были вены и жилы, цветом руки были похожи на хорошо пропитанную древесину. Лицо было грубоватое, но запоминающееся, плечи прямые и широкие, цвет лица, шеи и рук словно бы говорил о том, что все это уже хорошенько послужило, но может послужить еще. У него были непослушные волосы стального цвета, подстрижен он был очень коротко. Глаза – большие и ясные, цвета мокрого асфальта. Так определила этот цвет его жена Элисе много лет назад. Ему это понравилось.

Карлсен был на десять лет моложе и гораздо более тощий. На первый взгляд он производил впечатление легкомысленного щеголя: лихо закрученные усы, густая шапка волос, зачесанных назад. Самый молодой из присутствующих, Йеран Сут, пытался открыть пакетик с тянучками так, чтобы поменьше шуршать. У Сута были густые волнистые волосы и здоровый цвет лица, он был плотно сложен – просто гора мышц. Каждая часть его тела была хороша по отдельности, но все вместе, пожалуй, чересчур. Сам он об этом прискорбном факте не подозревал. Ближе к двери сидел начальник отдела Холтеманн, молчаливый и весь какой-то серый, а за ним – женщина-инспектор со светлыми, коротко стриженными волосами. У окна, положив руку на подоконник, восседал Якоб Скарре.

– Как там фру Эйнарссон? – поинтересовался Сейер. Ему и вправду было интересно; он знал, что у нее есть сынишка.

Карлсен покачал головой.

– Мне показалось, она в каком-то замешательстве. Спросила, выплатят ли ей, наконец, страховку. А потом пришла в полное отчаяние, поняв, что узнав о гибели мужа, в первую очередь подумала о деньгах.

– А что, она ничего не получила? Почему?

– Ну, у нас же не было трупа.

– Придется поговорить об этом со страховщиками, – сурово сказал Сейер. – На что же они жили эти полгода?

– На подачки социальной конторы – пособие по потере кормильца.

Сейер покачал головой и перевернул страницу. Сут сунул в рот зеленую тянучку, вся она в рот не влезла, и зеленый кончик высывался изо рта.

– Машину, – продолжал Сейер, – нашли на свалке. Они там несколько дней в мусоре копались. На самом деле его убили совсем в другом месте, возможно, на берегу реки. Потом убийца сел в машину и отогнал ее к свалке. Мне кажется, это невероятно, чтобы человек пролежал в воде полгода и нашли его только сейчас. Преступник долго наслаждался жизнью, надеялся уже, небось, что труп никогда не всплывет. Ну, придется ему вернуться на грешную землю. Готов спорить, что приземление будет довольно болезненным.

– Наверное, труп за что-то зацепился? – предположил Карлсен.

– Не знаю. Это тоже странно, ведь на дне там только галька, совсем недавно дно чистили. Возможно, его почти сразу прибило к берегу, и там-то он как раз и зацепился за что-то. Кстати, выглядит он примерно так, как мы и предполагали.

² Сейер (дат. Sejer)-победа.

– Машина его была в прекрасном состоянии – ее только что вымыли и пропылесосили, – заметил Карлсен. – Приборная доска прямо-таки отполирована. Повсюду следы воска, все блестит, включая резину. Он выезжал из дома, чтобы ее продать.

– А кому, жена не знала, – припомнил Сейер.

– Она вообще ничего не знала; судя по всему, у них в семье так было заведено.

– И никто не звонил и не спрашивал его?

– Нет. Он довольно неожиданно объявил, что у него появился покупатель на машину. Ей это показалось странным. Он экономил буквально на всем, чтобы купить эту машину, месяцами возился с ней, прямо как за ребенком ухаживал.

– Не исключено, что ему внезапно понадобились деньги, – предположил Сейер и встал. Принялся мерить шагами комнату. – Мы должны найти этого покупателя. Интересно, что же между ними произошло. Жена говорит, что у него в бумажнике было не больше ста крон. Придется снова заняться машиной, ведь человек в ней сидел и даже проехал несколько километров, убийца, я имею в виду. Должны же после него остаться хоть какие-то следы!

– Вообще-то поздно ехать показывать машину в девять вечера, – сказал Скарре, кучерявый малый с открытым лицом, родом из Южной Норвегии. – В октябре в девять вечера темно, хоть глаз выколи. Если бы машину покупал я, то предпочел бы взглянуть на нее при дневном свете. Так что у убийцы мог быть план. А предложение насчет машины своего рода ловушка.

– Да. К тому же, если покупаешь машину и садишься за руль, чтобы ее опробовать, часто едешь не по шоссе, а по проселочной дороге. Подальше от людей. – Сейер почесал подбородок коротко остриженными ногтями. – Если его зарезали пятого октября, значит, труп пролежал в воде ровно шесть месяцев, – отметил инспектор. – Это соответствует состоянию трупа?

– Они там такие вредные в судмедэкспертизе, – пожаловался Карлсен. – Говорят, что время точно установить нельзя. Снуррассон рассказывал про одну женщину, которую нашли через семь лет, а она была целехонькая. В каком-то озере в Ирландии нашли. Семь лет! Там вода была ледяная, она как бы законсервировалась. Но мы можем предположить, что это действительно произошло пятого октября. Судя по тому, как он выглядел, мужик он был довольно сильный.

– Давайте посмотрим на ножевые ранения.

Сейер выбрал в папке фотографию, подошел к доске и прикрепил ее зажимами. На фотографии видны были спина и бок Эйнарссона; кожу тщательно промыли, раны раздулись, напоминая маленькие кратеры.

– Они какие-то странные. Пятнадцать ножевых ранений, половина из них в область поясницы, в задницу и низ живота, а остальные – в правый бок жертвы, прямо под бедром, нанесены с большой силой, сверху вниз. Нападавший был правша. Нож с длинным узким лезвием, очень узким. Возможно, рыбацкий нож. Способ нападения довольно странный. Но мы же помним, как выглядела машина после убийства!

Внезапно он быстро прошел по комнате и стащил Сута со стула. Пакет с тянучками упал на пол.

– Мне нужна жертва, – пояснил Сейер. – Иди сюда!

Он подтолкнул инспектора к письменному столу, встал у него за спиной и взял в руки пластмассовую линейку.

– Это могло быть примерно так. Вот машина Эйнарссона, – сказал он и положил молодого инспектора лицом на бювар. Подбородок Сута уперся в край стола. – Крышка капота была поднята, потому что они рассматривали мотор. Убийца толкает жертву, жертва падает на живот прямо на двигатель, убийца держит его левой рукой, не дает подняться. Одновременно наносит ему пятнадцать ударов правой. Пятнадцать. – Он поднял линейку и принялся бить ею Сута по заднице, громко считая: – Раз, два, три, четыре, – он поднял руку и ударил его в бок, Сут

слегка задергался, как будто боялся щекотки, – пять, шесть, семь, а потом он стал целиться в низ живота.

– Нет! – Сут испуганно вскочил и поставил ноги крест-накрест.

Сейер потрепал «жертву» по плечу и проводил его назад к креслу, с трудом сдерживая улыбку.

– Смотрите, сколько раз он заносил нож. Пятнадцать ударов, море крови. Наверное, в крови было все – и лицо, и руки убийцы, вся машина была в крови, да и на земле ее тоже было, по всей видимости, немало. Чертовски жаль, что он отогнал машину в другое место.

– Во всяком случае, состояние аффекта налицо, – убежденно произнес Карлсен. – Это не просто убийство. Наверняка была какая-то ссора.

– Может, о цене не смогли договориться? – улыбнулся Скарре.

Человека, который решает пустить в ход нож, чтобы лишить кого-то жизни, нередко поджидает большой сюрприз, – заметил Сейер. – Оказывается, убить ножом гораздо труднее, чем он себе представлял. Но если это действительно было спланированное убийство, то он просто вытащил нож в самый подходящий момент, например, когда Эйнарсон повернулся к нему спиной, наклонившись над капотом. – Он зажмурился, словно пытаясь представить себе эту картину. – Должно быть, убийца наносил удары сзади, поэтому попадал не всегда. Если бить так, гораздо труднее задеть жизненно важные органы. И, по всей видимости, Эйнарсон продержался довольно долго, упал не сразу. Наверняка картина была та еще: убийца бьет и бьет ножом, жертва орет, убийца в панике, но остановиться уже не может. Думаю, так оно и было на самом деле. Он-то думал, что достаточно будет одного, ну, максимум двух ударов. Но много ли мы помним случаев убийств с помощью ножа, когда убийца довольствовался одним или двумя ударами? Я, например, помню убийство, где было семнадцать ударов, и еще одно – с тридцатью тремя.

– Но они были знакомы, все согласны?

– Что значит, знакомы? Они вступили в какие-то отношения друг с другом, – Сейер снова сел и засунул линейку в ящик стола. – Ладно, тогда придется начать сначала. Мы должны выяснить, кто хотел купить эту машину. Возьмите список, который мы составили в прошлом октябре, и начинайте с самого верхнего имени. Это мог быть кто-то из его коллег.

– Тех же самых? – Сут уставился на Сейера, во взгляде его было недоумение. – И что, опять те же вопросы задавать?

– Что ты имеешь в виду? – Бровь Сейера поползла вверх.

– Я имею в виду, что надо найти новых людей. От тех, с кем мы уже говорили, мы ничего нового не услышим.

– Ну, – сказал Сейер и сглотнул слюну; ощущение было такое, что он глотает дыню. – Поживем – увидим, правда?

Карлсен с негромким хлопком закрыл папку.

Сейер поставил папку Эйнарсона в шкаф рядом с папкой по делу Дурбан. Майя Дурбан и Эгиль Эйнарсон. Оба мертвы, но никто не знает, почему. Потом он откинулся на спинку кресла, водрузил длинные ноги на письменный стол, постучал себя по карманам и выудил бумажник. Нашел фотографию внука – она была зажата между водительскими правами и лицензией парашютиста. Внуку только что исполнилось четыре года, он знал большинство марок автомобилей и даже успел впервые подраться, причем весьма болезненно воспринял то, что его побили. Сейер помнил потрясение, которое испытал, когда приехал в Форнебю³, чтобы

³ Форнебю – старый аэропорт под Осло (в том числе международный).

встретить свою дочь Ингрид и зятя Эрика. Они возвращались, проработав три года в Сомали. Она – медсестрой, а он – врачом в Красном Кресте. Ингрид стояла на самом верху трапа, волосы ее выщвели, а кожа приобрела золотистый оттенок. И на какое-то мгновение ему показалось, что перед ним Элисе, – такой она была, когда они увидели друг друга впервые. На руках у дочери был маленький мальчик. Тогда ему было четыре месяца, он был шоколадно-коричневый, с вьющимися волосами и самыми черными глазами, которые Сейеру когда-либо доводилось видеть. «По правде говоря, сомалийцы – красивый народ», – подумал он. И еще раз посмотрел на фотографию, прежде чем убрать ее в бумажник. В конторе было тихо, как и почти во всем большом здании по соседству. Он засунул палец под рукав рубашки и почесал локоть. Кожа шелушилась. Под нею был еще один, розовый слой кожи, которая тоже шелушилась. Он сдернул куртку со спинки кресла, закрыл кабинет и перед уходом заскочил к фру Бреннинген. Она моментально отложила в сторону книжку – как раз дочитала до весьма многообещающей постельной сцены и решила приберечь ее до вечера, когда будет дома и ляжет в постель. Они обменялись несколькими репликами, он коротко кивнул на прощание и отправился на Розенкранцгате – к вдове Эгиля Эйнарссона.

Сев в машину, он быстро глянул на себя в зеркало и провел пятерней по волосам. Особой нужды в этом не было – волосы были острижены коротко. Это было скорее делом привычки, чем проявлением заботы о внешности.

Сейер старался использовать любой повод, чтобы выбраться из своего кабинета. Он медленно ехал через центр города – он всегда ездил медленно, машина была старая и не слишком резвая, большой синий «Пежо-604», но причин менять ее он не видел. Зимой, правда, ездить на ней было все равно что на санках. Вскоре он добрался до симпатичных домиков – розовых, желтых и зеленых, рассчитанных на четыре семьи каждый. Сейчас, освещенные солнцем, они выглядели особенно привлекательно. Вообще дома, построенные в пятидесятые годы, обладали каким-то особым очарованием, которого новостройки были просто-напросто лишены. Деревья разрослись, сады наверняка расцветут, когда станет теплее. Но пока было еще холодно, весна явно заставляла себя ждать. Земля, впрочем, уже давно подсохла, пятна старого грязного снега можно было увидеть только в канавах, они лежали там, как мусор. Сейер поискал глазами дом номер 16 и, увидев зеленый ухоженный дом, сразу же узнал его. Возле дома чего только не было: трехколесные велосипеды, разнообразные пластмассовые игрушки, в том числе машинки, которые ребята понатаскала из подвала и с чердака. Он припарковался и позвонил.

Через несколько секунд в дверях возникла женщина. За ее юбку цеплялся худенький мальчик.

– Фру Эйнарссон, – поприветствовал ее Сейер и слегка поклонился. – Можно войти?

Она слабо, вроде бы неохотно кивнула в ответ. По правде говоря, ей не часто выпадала возможность с кем-то поговорить. Он стоял очень близко, она даже чувствовала его запах: смесь запаха кожаной куртки и слабого аромата лосьона после бритья.

– Я и сейчас знаю не больше, чем осенью, – произнесла она неуверенно. – Правда, теперь я знаю, что он мертв. Но я уже была к этому готова. Я хочу сказать, судя по тому, как выглядела машина...

Она обняла мальчика за плечи, как бы защищая его и одновременно прячась за ним.

– Мы нашли его, фру Эйнарссон. Ситуация изменилась, не так ли?

Он молчал и ждал.

– Наверняка это был какой-то ненормальный, которому понадобились деньги. – Она нервно покачала головой. – Ведь бумажник пропал. Вы сказали, что бумажника не было. Хотя при нем была только сотня крон. Правда, сейчас и из-за мелочи могут убить.

– Я обещаю, что не задержу вас.

Она сдалась и отступила в коридор. Сейер остановился у входа в гостиную и огляделся. Его всегда поражало и даже немного пугало, насколько же все люди одинаковые: ему случалось бывать в самых разных гостиных, но все они выглядели как близнецы: в центре – телевизор и видеоманитофон, а вокруг все остальное. Место сбора всей семьи, норки, куда все заползали, чтобы погреться. У фру Эйнарссон в гостиной стояла розовая кожаная мягкая мебель, под журнальным столиком лежал белый ковер с длинным ворсом. Это была очень женская комната. Шесть месяцев она жила одна и, возможно, потратила это время на то, чтобы отделаться от всего, напоминавшего о присутствии в доме мужчины. В прошлый раз, как и сейчас, он не смог увидеть ни следа тоски или любви к тому мужчине, которого они нашли в черной речной воде, продырявленного насквозь и серого, как старая губка. Конечно, отчаяние было, но оно касалось других, более практических вещей. Например, того, на что же ей теперь жить и как найти нового мужа, если нет денег на няньку. Эти мысли действовали на женщину удручающе. Он поискал глазами свадебную фотографию над диваном; это была чересчур парадная фотография молодой Юрунн с высветленными волосами. Рядом с ней стоял Эйнарссон, тощий и гладко выбритый, как конфирмант, с жидкими усиками над верхней губой. Они старались изо всех сил, позируя заурядному фотографу. Больше всего их волновало, какое впечатление они производят.

– У меня есть немного кофе, – неуверенно предложила она.

Он поблагодарил и согласился. Неплохо было бы уцепиться за что-то, хотя бы за ручку кофейной чашки. Мальчишка потащился за матерью на кухню, но, стоя у двери, украдкой поглядывал на него. Он был худенький, на переносице конопушки, челка – слишком длинная – все время падала на глаза. Через несколько лет он станет очень похож на мужчину на фотографии.

– Забыл, как тебя зовут, – ободряюще улыбнулся Сейер.

Мальчик немного помолчал, покачал ногой, потом ввинтил ее в линолеум и застенчиво улыбнулся:

– Ян Хенри.

Сейер кивнул.

– Ну да, Ян Хенри. Можно задать тебе один вопрос, Ян Хенри? Ты значки собираешь?

Мальчик кивнул:

– У меня уже двадцать четыре значка. На шляпе.

– Тащи-ка ее сюда, – улыбнулся Сейер. – Получишь еще один. Такого у тебя точно еще нет.

Мальчонка шмыгнул за угол и вернулся со шляпой на голове. Шляпа была ему явно велика. Он снял ее с благоговением.

– Только больно колется изнутри, – объяснил он. – Поэтому я не могу ее носить.

– Смотри-ка, – сказал Сейер, – это полицейский значок. Мне его дала фру Бреннинген в участке. Красивый, правда?

Мальчик кивнул. Он искал на шляпе достойное место для этой маленькой золотистой булавки. Потом решительно передвинул значок с Кристин и Хоконом⁴ и прямо под ними поместил новое сокровище. Вошла мать и выдавила из себя улыбку.

– Иди в свою комнату, – коротко приказала она. – Нам с дядей надо поговорить.

⁴ Хокон и Кристин – брат и сестра, персонажи норвежских народных сказок, – талисманы зимних Олимпийских игр в Лиллехаммере в 1994 г.

Ян Хенри нахлобучил шляпу на голову и исчез.

Сейер пил кофе и рассматривал фру Эйнарссон, которая бережно, чтобы кофе не выплеснулся, опустила в свою чашку два кусочка сахара. Обручального кольца у нее на пальце не было. Волосы у корней потемнели, глаза были слишком сильно покрашены, и – явно вопреки ее намерению – это делало ее менее привлекательной. А на самом деле она была миленькая, светленькая такая, хорошенькая, миниатюрная. Вероятнее всего, сама она об этом не подозревала. Скорее всего, она была недовольна своей внешностью – как и большинство женщин. «Кроме Элисе», – подумал он.

– Мы все еще ищем этого покупателя, фру Эйнарссон. По какой-то причине вашему мужу вдруг приспичило продать машину, хотя он никогда не обсуждал это с вами. Он уехал, чтобы кому-то ее показать, и не вернулся. Может быть, кто-то заинтересовался машиной, остановил его на улице или еще где-то. Может быть, кто-то искал именно такую машину и связался с ним. Или, возможно, кто-то охотился за ним, именно за ним, а не за машиной, и воспользовался ею как предлогом, чтобы выманить его из дома. Заинтересовал его, попросил продать, может быть, пообещал заплатить наличными. Вы не знаете, Эгиль нуждался в деньгах?

Она покачала головой и принялась жевать не до конца растаявший кусочек сахара.

– Вы меня уже спрашивали в прошлый раз. Нет, не нуждался. Я имею в виду, ничего такого срочного. Но деньги всегда нужны, нельзя сказать, что у нас их было чересчур много. А сейчас еще хуже. И мне не дают место в детском саду. И еще меня замучила мигрень. – Она слегка помассировала висок, чтобы продемонстрировать, что если он будет на нее давить, у нее может заболеть голова. – А работать в моем положении непросто – одной с ребенком и все такое.

Он сочувственно кивнул.

– А может быть, он был игрок, или же у него мог быть личный долг, который ему сложно было выплачивать?

– Нет, да что вы! Ничего такого не было. Может быть, он не был таким уж умником, но и одурачить его было непросто. Мы справлялись. У него была работа и все такое прочее. И деньги он тратил только на машину, да еще иногда мог пивка выпить в пабе. Он, конечно, мог и поорать, но он был не такой крутой, чтобы ввязаться во что-то такое, я хочу сказать – во что-то противозаконное. Во всяком случае, мне так кажется. Мы были женаты восемь лет, думаю, уж я-то его знаю, то есть знала. И хоть Эгиль и умер, я не собираюсь тут сидеть и напраслину на него возводить.

Она замолчала.

– А вы не помните, из друзей его никто не говорил, что хотел бы купить у него машину?

– Ну, таких-то наверняка было немало. Но он не хотел продавать. Он и одалживал ее очень неохотно.

– И вы не помните, звонил ли ему кто-то в день, когда он исчез, или за несколько дней до этого по поводу машины?

– Нет.

– А как он вел себя в тот вечер?

– Я уже вам говорила. Как обычно. Пришел домой с работы в полчетвертого. У него была ранняя смена. Съел пиццу по-мексикански, выпил кофе и потом все время пролежал в гараже.

– Прележал?

Ну да, под машиной. Что-то там подкручивал. Он был просто одержим этой машиной. А потом он ее вымыл. У меня были дела дома, я ни о чем таком не думала, и тут он заходит – как раз «Казино»⁵ показывали – и говорит, что ему надо отъехать показать машину.

– И никаких имен?

⁵ Телевизионная игра на норвежском телевидении.

– Нет.

– И не сказал, где они встречаются?

– Нет.

– И вы не спросили, с чего он вдруг решил ее продавать?

Она слегка взбила волосы и покачала головой.

– Я не вмешивалась в то, что касалось машины. У меня и прав-то нет. И мне было абсолютно все равно, какая у нас машина, главное – чтоб была. К тому же он не сказал, что будет ее продавать, сказал только, что хочет кому-то ее показать. Вовсе не обязательно, что это был убийца. Он мог кого-то встретить по дороге, подобрать кого-то, кто голосовал на обочине, или вообще что угодно, я почему знаю? В этом городе полным-полно психов, а все из-за этого героина, я не понимаю, как вы можете спокойно на это смотреть? Как подумаю про Яна Хенри... Ему ведь здесь расти, а характер у него не слишком сильный, он так похож на отца!

– Сильный характер, – улыбнулся Сейер, – это то, что вырабатывается со временем. Возможно, ему просто понадобится больше времени для этого. Мы просили этого возможного покупателя и через газеты, и по телевидению связаться с нами, – напомнил он ей, – но никто не откликнулся. Он боится. Или же ваш муж солгал, уезжая из дома в тот вечер. Может, у него были какие-то другие планы, или же этот покупатель и есть убийца.

Солгал? – Она оскорбленно уставилась на него. – Если вы думаете, что у него были какие-то там гнусные тайны, то вы ошибаетесь. Он был не такой. И на стороне у него тоже никого не было. И бабником он не был, честно говоря. И если он сказал, что собирается показать кому-то свою машину, значит, так оно и было.

Она произнесла это так просто и категорично, что Сейер почувствовал: она его убедила. Он задумался и увидел, как в комнату прошмыгнул мальчик и осторожно уселся на пол за спиной у матери, часто моргая.

– Если постараться вспомнить тот день или предшествующие дни, недели, месяцы, вы не заметили чего-то необычного, каких-то отклонений от нормы? Скажем, за шесть месяцев до того, как он пропал и его машина была найдена на стоянке? Может, вы вспомните какой-то случай или какой-то период, когда он казался каким-то не таким, или же был чем-то озабочен? Я имею в виду все, что угодно. Телефонные звонки? Письма? Может быть, он когда-то пришел домой позже, чем обычно, или плохо спал по ночам?

Юрунн Эйнарссон сжевала еще один кусочек сахара; инспектор видел, что она честно пытается вспомнить прошлое. Она склонила голову набок, припоминая что-то, потом отбросила какую-то мысль и принялась вспоминать дальше. Эйнарссон-младший дышал совершенно беззвучно. Уши у него были большие – как у многих детей.

– Однажды вечером в пабе приключился скандал. Ну, я не знаю, может, там все время какие-то скандалы, и на самом деле ничего серьезного не произошло, но там кто-то жутко надрался, и хозяин позвонил в полицию, чтобы его забрали в вытрезвитель. Этот парень, он был одним из товарищей Эгиля, с пивоварни. Эгиль поехал за ним и упросил отпустить его. Он пообещал отвезти его домой. И они согласились. В ту ночь он пришел домой только в полчетвертого утра, помню, что на следующий день он проспал.

– Да? А вы не знаете, что конкретно произошло?

– Нет. Только то, что он напился, как свинья. Не Эгиль, а тот, другой. Эгиль же был за рулем, и потом – ему на смену надо было рано. К тому же я не особо расспрашивала – меня такие вещи вообще не интересуют.

– То есть, вы хотите сказать, что ваш муж заботился о других? С его стороны это был благородный поступок. Ведь он же мог на это наплевать, и пусть бы тот парень сам выпутывался.

– Ну, я, конечно, не могу сказать, что он был прямо такой уж заботливый, если вы об этом спрашиваете. Обычно он дальше своего носа ничего не видел. Так что, по правде говоря, я даже немного удивилась-с чего это он вдруг стал за кого-то хлопотать. Спасать кого-то от

вырезвителя. Ну да, я удивилась, конечно, но они же были товарищи. Честно говоря, не задумалась. Я имею в виду, до того, как вы меня стали спрашивать. – А когда это было, примерно?

– Ну, точно я, конечно, не помню. Незадолго до того, как он исчез.

– За несколько недель? Месяцев?

– Нет, возможно, за несколько дней до этого.

– За несколько дней? А вы помнили об этом случае, когда мы беседовали с вами осенью?

Вы о нем рассказали?

– Не думаю.

– А пьяный приятель, вы знаете, кто это был, фру Эйнарссон?

Она покачала головой, быстро обернулась и увидела мальчика.

– Ян Хенри! Я же велела тебе оставаться в комнате!

Мальчик поднялся и поплелся из комнаты, как побитая собака. Она подлила себе еще кофе.

– Имя, госпожа Эйнарссон, – напомнил инспектор негромко.

– Нет, не помню, – сказала она. – Их там так много бывает в этой пивной, целая компания обычно.

– Но на следующий день он проспал, да?

– Да.

– А у них там есть табельные часы, правда?

– М-м-м.

Он ненадолго задумался.

– А когда вы получили машину из технического управления, вы ее продали?

– Да. У меня все равно нет денег, чтобы научиться водить и сдать на права, вот я и продала ее своему брату. И потом – мне нужны были деньги. И машину, и инструменты, что были в багажнике. Торцовые ключи и домкрат. И еще разный хлам, я даже не знаю, как там что называлось. Кстати, там было не все, кое-что пропало.

– Что же?

– Сейчас и не вспомню. Брат меня об этом спрашивал, мы искали, но не нашли. Не могу вспомнить, что это было.

– Попробуйте. Возможно, это важно.

– Ну, не думаю, чтобы это было что-то важное, но я действительно не помню. Мы и в гараже искали.

– Позвоните в участок, если вспомните. А у брата можете спросить?

– Он все время в разъездах.

– Фру Эйнарссон, – сказал он и встал, – спасибо за кофе.

Она вскочила со стула, покрасневшись и явно растерявшись, – ведь он так неожиданно собрался уходить, – и проводила его до двери. Сейер откланялся и пошел к парковке. Открывая дверцу, он заметил мальчика-тот стоял на цветочной клумбе и нерешительно топтался, как будто хотел получше утрамбовать землю. Кроссовки почти исчезли под слоем земли. Сейер кивнул ему.

– Привет. Что, поиграть не с кем?

– Нет, – он смущенно улыбнулся. – А почему вы не на полицейской машине, если вы на работе?

– Отличный вопрос. Видишь ли, я, честно говоря, еду домой. Я живу тут недалеко, так что нет смысла возвращаться в участок и пересаживаться с машины на машину. – Он немного подумал: – А ты когда-нибудь катался в полицейской машине?

– Нет.

– В следующий раз я приеду на полицейской машине и прокачу тебя, если захочешь.

Мальчик улыбнулся – широко, но немного неуверенно; возможно, у него в жизни уже был какой-то печальный опыт.

– Обещаю, – заверил его Сейер. – И ждать тебе придется недолго. – Он проскользнул за руль и медленно поехал к дороге. В зеркале он видел тонкую ручонку, махавшую ему.

Он все еще думал о мальчонке, проезжая мимо ипподрома и церкви. Не будет тебе прощения, Конрад, если ты в следующий раз забудешь про служебную машину.

На полу в гостиной Эмма играла в крестьянский хутор.

Все животные были выстроены ровными рядами: розово-красные поросята, коровы в красных и коричневых пятнах, куры и овцы. За всем этим наблюдал тиранозавр Рекс, голова его с крошечным мозгом внутри доставала как раз до конька крыши сеновала.

Она то и дело подбегала к окну – посмотреть, не подъехал ли отец. Эмма проводила у отца выходные два раза в месяц и всегда с нетерпением этого ждала. Эва тоже ждала. Она сидела на диване. Она вся просто извелась, ей нужно было остаться одной, наконец, спокойно все обдумать. Обычно она использовала свободные выходные для работы. Но сейчас не могла ничего делать. Все изменилось. Они нашли его.

Эмма не вспоминала про мертвеца уже несколько дней. Но это вовсе не означало, что она про него забыла. По лицу матери она догадывалась, что не надо о нем говорить, и, хотя девочка не понимала, почему, она молчала.

В мастерской Эву ждал холст, натянутый на мольберт. Он был уже загрунтован, черный, ни единой светлой точки. Но она не могла на него даже смотреть. Сначала надо было разобраться со всем остальным. Этого остального было много. Она сидела на диване и прислушивалась так же внимательно, как и Эмма, – Юстейн в любой момент мог зарулить во двор. На хуторе царила полная идиллия, если не считать зеленого чудовища, угрожающе нависающего над сеновалом. Выглядело это странновато.

– Динозавр сюда явно не подходит, Эмма. Сама посмотри!

Эмма надулась.

– Я знаю. Он просто в гости пришел.

– А-а-а... Как это я сама не догадалась.

Эва подтянула колени к подбородку и натянула на них длинную юбку. Попыталась выкинуть все из головы. Эмма опять уселась на ковер и принялась одного за другим пристраивать поросят к животу мамочки-свиньи – кормиться.

– Одного сосочка не хватает. Вот этому.

Она взяла двумя пальцами одного поросенка и вопросительно взглянула на мать.

– Да, такое бывает. Такие поросята умирают от голода. Потому что их надо выкармливать из соски, а у крестьян, как правило, такой возможности нет.

Эмма ненадолго задумалась.

– Я могу скормить его Дино. Ведь ему тоже надо кушать.

– Но они ведь едят только траву, листья и все такое, разве не так?

– А этот ест мясо, – объяснила Эмма и втиснула поросенка между острыми зубьями зеленого чудовища.

Эва покачала головой – на редкость практичное решение!

Ребенок не переставал ее удивлять. Но тут со двора наконец раздался шум мотора. Эмма молнией – насколько это было возможно при ее комплекции – вылетела в коридор встречать отца.

Эва нехотя подняла голову, когда Юстейн появился на пороге гостиной. Этот мужчина был для нее как маяк. Когда Эмма стояла рядом с ним, она казалась меньше и симпатичнее,

чем обычно. Они очень хорошо смотрелись вместе – оба рыжеватые, обоим следовало бы избавиться от нескольких лишних килограммов. И они очень любили друг друга, чему Эва была рада. Она никогда не была ревнивой, не ревновала она бывшего мужа и к его новой женщине. Она очень переживала из-за того, что он ушел, но уж если это случилось, она желала ему счастья. Вот так.

– Эва! – улыбнулся он, взмахнув светло-рыжим чубом. – Выглядишь усталой.

– Да, были кое-какие проблемы. Она разгладила ладонями юбку. – Творческого порядка? – спросил он без тени иронии.

– Нет, вполне конкретные, земные проблемы.

– Что-то серьезное?

– Гораздо хуже, чем ты даже можешь себе представить.

Он на секунду задумался над ее ответом и наморщил лоб.

– Если я могу тебе чем-то помочь, только скажи.

– Может быть, и придется – со временем.

Он по-прежнему стоял на пороге, а Эмма цеплялась за его штанину и серьезно смотрела на мать. Девочка была настолько тяжелой, что Юстейну было непросто удерживать равновесие. Он испытывал к бывшей жене чувство глубокой симпатии, но она жила в мире, который для него был совершенно чужим, – в мире искусства. И все равно она была важной частью его жизни и навсегда ею останется.

– Принеси свою сумку, Эмма, и поцелуй маму, мы уезжаем.

Дочка с удовольствием послушалась. И оба исчезли за дверью. Эва подошла к окну, проводила глазами машину, которая влилась в поток на дороге, и опять уселась на диван. Закинула ноги на диванный валик и закрыла глаза. В комнате царил приятный полумрак, было довольно тихо. Она старалась дышать ровно и спокойно. И скоро наступила полная тишина. Ей следовало в полной мере наслаждаться такими мгновениями. Она знала, что осталось недолго.

Сейер щедро плеснул себе в стакан виски и прогнал пса с кресла. Это был леонбергер – семьдесят килограммов живого веса, пять лет от роду, но довольно ребячливый. Звали его Кольберг. То есть на самом деле звали его совершенно иначе, поскольку у заводчика, составившего родословные, была своя система. Например, он использовал названия песен «Битлз», начиная с первой буквы алфавита; когда родился Кольберг, заводчик как раз добрался до буквы «L». Поэтому пса называли «Love Me Do». А сестру щенка называли «Lucy in the Sky»⁶. Сейеру делалось худо, когда он вспоминал об этом.

Пес смирился с тем, что его прогнали, тяжело вздохнул и улегся у ног хозяина. Большая голова лежала на ступнях Сейера, они даже вспотели в толстых носках. Но Конрад был не настолько бессердечен, чтобы убрать их. В какой-то степени это было даже приятно, во всяком случае в зимнее время. Он пригубил виски и закурил самокрутку. Это были его вредные привычки: один-единственный стакан виски и одна-единственная самокрутка. И поскольку он курил мало, то сразу почувствовал, что сердце забилось немного быстрее. В тихие, спокойные дни он ездил на аэродром и прыгал с парашютом, правда, в отличие от Элисе, дурной привычкой это он не считал. Но он уже восьмой год вдовел, а дочка выросла и была вполне обеспечена. Кроме того, нельзя сказать, чтобы Сейер был безрассудным смельчаком – он прыгал только при идеальных погодных условиях, и головокружительные маневры его соблазняли мало. Ему просто нравилось ощущение нарастающей скорости, нравилось парить в воздухе, созерцать чудесные виды, хутора и поля далеко внизу, они образовывали причудливые разно-

⁶ Названия популярных песен «Битлз».

цветные узоры, кое-где виднелись нитки дорог, это было похоже на сложную лимфатическую систему какого-то огромного организма: строения, стоящие ровными рядами, красные, зеленые и белые домики. На самом деле человек нуждается в системе, думал он, выпуская колечки дыма, поднимавшиеся к потолку.

У Эгиля Эйнарссона тоже была своя система, у него была вполне упорядоченная жизнь: работа на пивоварне, жена и сын, свой круг приятелей в пивной в южной части города. Год за годом один и тот же маршрут, дом – пивоварня – дом – пивная – дом. Автомобиль с бесконечным числом мелких деталей, которые нужно было чистить, смазывать и подкручивать. Недели – месяцы – годы. В жизни его не было ничего драматичного: в школе он перебирался из класса в класс, как и все остальные, ничем особо не выделяясь, ходил к священнику, был подтвержден, два года учился на инженера в Гетеборге – правда, это образование ему так никогда и не пригодилось, – и, наконец, стал рабочим на пивоварне. Ему нравилась его работа. Зарабатывал он достаточно. Никаких высот в жизни не достиг, но и проблем особых не было. Обычный парень. Жена у него была довольно миленькая, у нее тоже были свои обязанности. И вот кто-то его прирезал. «Пятнадцать ударов ножом, – подумал Сейер, – интересно, как это такому парню, как Эйнарссон, удалось пробудить такие страсти?» Инспектор отхлебнул еще виски и продолжал лениво размышлять. Разумеется, надо внести в список новые имена, людей, о которых они не подумали раньше, с которыми стоило бы поговорить. А там, глядишь, вся трагедия может предстать в совершенно ином свете.

Он постоянно возился с машиной. «Опель Манта», модель 1988 года. И вдруг ему захотелось ее продать. Кто-то, один человек или несколько, проявил интерес к машине. Эйнарссон не помещал объявлений в газетах, ни единой живой душе не говорил, что собирается продать машину, – это известно. Сейер затаился еще разок и задержал дым в легких на несколько секунд. «А у кого Эйнарссон ее купил в свое время?» – подумал он вдруг. Этого вопроса инспектор никогда раньше себе не задавал. А может, следовало бы? Он резко поднялся и подошел к телефону. И пока ждал, когда же поднимут трубку на другом конце провода, убеждал себя в том, что у него есть уважительная причина для позднего звонка. Фру Эйнарссон ответила после второго гудка. Она выслушала его, ни о чем не спросила и ненадолго задумалась.

– Договор о покупке? Да, он у меня, конечно, где-то есть. Но вам придется немного подождать.

Он ждал и слушал, как она выдвигает ящики, затем с грохотом задвигает их, слушал, как шелестит бумага.

– Почти ничего не разобрать, – пожаловалась она.

– Попытайтесь.

– Эрик Берресенсгате. Мне кажется, Миккельсен. Не могу прочитать имя и номер дома. Вроде «пять». Или «шесть». Адрес: Эрик Берресенсгате, дом пять или шесть.

– Этого достаточно. Спасибо!

Он записал все в блокнот, лежавший у телефона. Важно было ничего не упустить. Если уж он не выяснил, кому был продан автомобиль, он мог хотя бы узнать, откуда он взялся. А это уже кое-что.

Рабочий день подходил к концу, когда из столовой пришел Карлсен с двумя бутербродами с креветками и с колой. Он успел проглотить один бутерброд, когда в дверях появился Сейер. Более склонный к аскетизму, инспектор купил себе два бутерброда с сыром и бутылку минералки; под мышкой у него была газета.

– Я присяду?

Карлсен кивнул, обмакнул креветку в майонез и положил в рот.

Сейер уселся, пододвинул стул к столу и, сняв сыр с хлеба, свернул его в трубочку и откусил кончик.

– Я тут прихватил дело Майи Дурбан из шкафа, – сказал он.

– Зачем? Ведь между ними нет никакой связи!

– Вероятно, нет. Но у нас в городе убийства случаются не так уж часто, а между этими двумя прошло всего несколько дней. Эйнарссон ходил в «Королевское оружие», Дурбан жила в трехстах метрах оттуда. Надо это проверить. Смотри!

Он встал, подошел к карте города, висящей на стене, и вытащив из коробочки две булавки с красными головками, сразу же воткнул одну булавку в жилой дом на Торденшоллсгате, а другую – в «Королевское оружие». И опять сел.

– Посмотри на карту. Это тот же район.

Он схватил настольную лампу Карлсена на гибкой ножке – ее можно было вертеть во всех направлениях. И направил луч света на карту.

– Майя Дурбан была найдена убитой первого октября. Пятого октября был убит Эйнарссон, во всяком случае, мы это предположили. Посмотри: булавки оказались рядом!

Карлсен уставился на карту. Булавки светились на черно-белой карте, как два красных, близко посаженных глаза.

– Да. Но, насколько мы знаем, они не были знакомы друг с другом.

– Мы многого не знаем. Что мы вообще знаем?

– Что за пессимизм! Мне кажется, надо взять ДНК у Эйнарссона и проверить, сравнить с Дурбан.

– Конечно. К тому же платим-то не мы!

Какое-то время они ели молча. Эти двое очень хорошо относились друг к другу, хотя никогда об этом не говорили. Карлсен был на десять лет младше, у него была жена, которая требовала внимания. Поэтому вдовец Сейер держался в тени, не навязываясь; он знал, что семья отнимает у человека много времени, и считал, что это святое. Из раздумий его вывела женщина-полицейский, которая возникла в дверях.

– Два сообщения, – сказала она и протянула ему листок бумаги. – И еще звонил Андреассен из ТВ-2, спрашивал, не хотел бы ты выступить в «Свидетеле»⁷ с делом Эйнарссона.

Сейер застыл и заморгал часто-часто.

– Э-э-э, Карлсен, может, тебя это заинтересует? Ты гораздо фотогеничнее, чем я.

Карлсен ухмыльнулся. Сейер терпеть не мог выступать перед публикой. Это было одно из его немногочисленных уязвимых мест.

– Sorry. Я же уезжаю на семинар, ты забыл? Меня десять дней не будет.

– Попроси Скарре, он будет вне себя от счастья. Я помогу ему – лишь бы самому не сидеть под прожекторами. Пожалуйста, сходи к нему прямо сейчас и попроси.

Женщина улыбнулась и вышла, а инспектор принялся читать записку. Взглянул на наручные часы. «Старики» будут прыгать в Ярлеборге в ближайшие выходные, если погода удержится. Надо позвонить Юрунн Эйнарссон. Он решил не торопиться, доел бутерброд и поставил стул на место.

– Мне придется ненадолго выйти.

– Ну, конечно, ты же здесь уже почти полчаса пробыл. У тебя носки ботинок просто мхом поросли.

– Ошибка многих состоит в том, что они весь день сидят в помещении, – парировал Сейер. – Ведь здесь, в здании, ничего не происходит, правда?

– Ты прав, конечно. Я, наверное, просто тебе завидую: все время устраиваешь себе задания на свежем воздухе. У тебя к этому явный талант, Конрад.

⁷ Криминальная телевизионная программа.

- Надо лишь немного напрячь фантазию, – ответил он.
– Послушай, погоди-ка минутку!
Карлсен засунул руку в карман рубашки, и вид у него сделался очень озабоченный.
– Меня тут жена просила кое-что купить, я записал. Ты что-нибудь понимаешь в этих дамских штучках?
– Попробую разобраться.
– Вот здесь написано, после «свиной лопатки»: «Pantyliners»⁸. Ты не знаешь, часом, что это такое?
– А ты не можешь позвонить и спросить? – Да никто трубку не берет.
– Спроси у фру Бреннинген. Но я думаю, это что-то вроде колготок. Удачи! – хмыкнул он и вышел из кабинета.

Сейер сел в машину, провел пятерней по волосам и вдруг вспомнил. Вышел из машины и направился к одному из служебных автомобилей, как и обещал Эйнарссону-младшему.

Юрунн Эйнарссон стояла на небольшой лужайке перед домом и вешала белье. Пижама с Томом и Джерри и майка с изображением Досиль весело развевались на ветру. Она как раз выудила из таза черные трусики с кружевами, когда он внезапно появился перед домом, и застыла, зажав их в руке и думая, куда бы их пристроить.

– Я тут был недалеко, – объяснил он вежливо, стараясь не смотреть на ее бельишко, – и решил подъехать. Но вы не беспокойтесь, заканчивайте.

Она молниеносно развесила остатки белья и взяла таз под мышку.

– А мальчик дома?

– Он в гараже. Всегда там торчал вместе с отцом. Смотрел, как тот возится с машиной. И сейчас туда заходит, сидит и смотрит в стену. Через пару минут выйдет.

Сейер, взглянув на зеленый гараж на две машины, того же цвета, что и дом, вошел в дом вслед за Юрунн.

– Что вы хотели мне сказать, фру Эйнарссон? – спросил он прямо. Они стояли у двери в гостиную. Она поставила таз на пол, откинула обесцвеченные волосы с лица.

– Я звонила брату. Он в Ставангере – на ярмарке скобяных изделий. Это был комбинезон. Знаете, такой зеленый, нейлоновый, с кучей карманов. Он надевал его, когда занимался машиной, и комбинезон всегда лежал у него в багажнике. Я искала его, потому что он был довольно дорогой. Муж еще говорил, что это полезная штука: вдруг машина по дороге заглохнет, и надо будет залезть под нее и что-то подкрутить. И брату моему он для этого же был нужен. Я не нашла его в машине и стала искать в гараже. Но там его тоже не было. Как испарился. И он, и еще большой карманный фонарь.

– А вы наших не спрашивали об этом?

– Нет, но ведь полиция не имеет права забирать вещи из машины, не предупредив!

– Разумеется. Но я на всякий случай проверю. А комбинезон у него всегда был с собой?

– Всегда. Он вообще был очень аккуратный во всем, что касалось его драгоценной машины. Никогда не выезжал без запасной канистры бензина. А еще без моторного масла, жидкости для мытья стекол и канистры воды. И без зеленого комбинезона. А фонарик мне и самой мог бы пригодиться: иногда у нас пробки вылетают. Здесь вся электрика плохая, давно надо бы заменить. Но наше правление ни на что не способно, только каждый год увеличивают арендную плату и обещают сделать балконы. Но я этого уже не дождусь. Ну, ладно. В общем, это был комбинезон.

⁸ Женские гигиенические прокладки.

– Замечательно, что вы об этом вспомнили, – похвалил ее инспектор.

Комбинезон и убийце оказался очень кстати, подумал Сейер. Он наверняка надел его поверх одежды, заляпанной кровью.

Юрунн зарделась, что, надо сказать, было ей весьма к лицу, и опять схватилась за таз. Это была здоровая бадья из пластмассы бирюзового цвета. Женщина поставила ее на бедро, и поза стала забавной, но не очень устойчивой.

– Я обещал вашему мальчику прокатить его в машине. Можно позвать его из гаража? Она удивленно взглянула на него.

– Конечно. Но мы собирались уходить, так что, пожалуйста, недолго.

– Мы только немного покатаемся.

Он вышел из дома и направился к гаражу. Ян Хенри сидел на верстаке, стоящем у стены, и болтал ногами. Кроссовки его были измазаны маслом. Увидев Сейера, он вздрогнул, но лицо его тут же прояснилось.

– Я сегодня на служебной. Твоя мама разрешила мне тебя прокатить. Хочешь повключать сирену?

Мальчик спрыгнул с верстака, довольно высокого, и пробежал несколько шагов, чтобы не упасть.

– У вас «Вольво»?

– Нет, «Форд».

Ян Хенри побежал вперед, а Сейер смотрел на его ноги – тонкие и белые. На переднем сиденье мальчика почти не было видно, его даже трудно было пристегнуть по правилам. Пассажир едва ли видел что-то, кроме приборной доски, да и то – вытянув шею. Сейер завел машину и повернул на дорогу. Сначала слышалось только равномерное гудение мотора и звуки машин, пронесившихся по встречной. Мальчик сидел, засунув руки под себя, как будто боялся по неосторожности нажать на что-нибудь.

– Скучаешь по папе, Ян Хенри? – тихо спросил Сейер.

Мальчик удивленно уставился на него, как будто раньше его никто об этом не спрашивал. Ответ был очевиден.

– Очень, – ответил он просто.

Они снова замолчали. Сейер направился к прядильне, включил правый поворот и продолжал ехать к водопаду.

– В гараже так тихо, – сказал вдруг мальчик.

– Да. Жалко, что мама не умеет обращаться с машиной.

– Угу. Папа туда все время ходил, что-то завинчивал, полировал. Когда у него было время.

– Там еще такой запах приятный, – улыбнулся Сейер. – Маслом пахнет, бензином...

– Он обещал купить мне комбинезон, – продолжал мальчик. – Такой же, как у него. Но не успел, потому что пропал. У него на комбинезоне было четырнадцать карманов. И я бы тоже надевал на себя комбинезон, когда бы возился с велосипедом.

– Да, спецовка. У меня тоже есть такой, только синий, а на спине написано «FINA». И я не уверен, что у меня четырнадцать карманов. Может, восемь или десять.

– Синие тоже ничего. А детские размеры бывают? – деловито спросил Ян Хенри.

– Не знаю.

Сейер опять включил правый поворот и остановился. Отсюда было хорошо видно здание НРК⁹, раскинувшееся внизу у реки. Он показал на окна, сияющие на солнце.

– Давай-ка их немного подразним! Включим сирену!

Ян Хенри кивнул.

⁹ Норвежская телерадиовещательная компания.

– Нажимай сюда, – сказал он и показал, куда. – Посмотрим, насколько они там, на телевидении, охочи до новостей. Может, они как выскочат все со всеми своими микрофонами!

Сирена сначала как-то глухо квакнула, а потом тишину разорвал громкий вой; словно оттолкнувшись от холма на противоположной стороне, звук с ревом вернулся обратно. В машине звук не казался таким уж громким, но через несколько минут в одном из чисто вымытых окон появилось лицо. Потом еще одно. А потом кто-то открыл дверь и вышел на веранду в торце здания. Человек поднял руку, заслоняясь от солнца.

– Они думают, что тут, по меньшей мере, убийство, – развеселился Ян Хенри.

Сейер хмыкнул и с интересом стал разглядывать бледные незагорелые лица, торчавшие во всех окнах.

– Ладно, хорошенького понемножку. Давай посмотрим, сможешь ли ты ее выключить сам.

Мальчик смог. Глаза его сияли от восторга, на щеках выступили красные пятна.

– А как она действует? – спросил он с энтузиазмом.

– Ну, – начал Сейер и принялся копаться в памяти, – сначала там образуется электронная дуга, которая в свою очередь образует четырехтактный импульс. Он усиливается с помощью усилителя, а потом звук выходит через громкоговоритель.

Ян Хенри кивнул.

– И потом он варьируется от восьмисот до тысячи шестисот периодов. Значит, колеблется по силе. Чтобы было лучше слышно.

– А его делают на сиренной фабрике?

– Точно. На сиренной фабрике. В Америке или в Испании. А сейчас мы купим мороженое, Ян Хенри.

– Ладно. Мы его заслужили, хотя и не поймали никаких преступников.

Они вновь выехали на шоссе и повернули налево, по направлению к городу. Подъехав к ипподрому, остановились, припарковались и вылезли из машины. Сейер пропустил мальчика вперед. Они подошли к киоску. Возникла проблема с оберткой – ее было не оторвать от мороженого. Наконец они сели на скамейку на солнышке и принялись за мороженое. Мальчик выбрал «сафт-ис»-красное и желтое, с шоколадом сверху, а Сейер ел «крупсис»-с клубникой. Он всю жизнь его ел и не видел никаких причин отказываться от этой привычки.

– А вам потом на работу?

Ян Хенри вытер с подбородка сок и сахар свободной рукой.

– Да, но сначала мне надо заехать в гости к одному парню. На Эрик Берресенсгате.

– Он преступник?

– Пока нет, – улыбнулся Сейер. – Вероятнее всего, нет.

– Но вы не уверены? Это может быть преступник?

Посмеиваясь, Сейер был вынужден сдаться.

– Да, не исключено. Именно поэтому я туда и направляюсь. Но все-таки больше для того, чтобы удостовериться в том, что он НЕ преступник. Потому что тогда я смогу вычеркнуть его из своего списка. Вот так мы и работаем, понимаешь ли, пока в списке подозреваемых не останется кто-то один.

– Могу поспорить, он здорово испугается, когда вы подъедете вот на этой машине.

– Ну, уж это наверняка. Все пугаются. На самом деле это довольно забавно, потому что почти у каждого человека совесть нечиста. И когда я вдруг появляюсь у них на пороге, я чувствую, как они роются в памяти, пытаюсь выяснить, что же я такое мог раскопать. Над этим, конечно, не стоит смеяться, но иногда я просто не могу сдержать улыбку.

Мальчик кивнул и продолжал загорать на солнышке в компании умного полицейского. Они доели мороженое и пошли назад к машине. Сейер взял в киоске бумажную салфетку, вытер мальчонке рот и помог ему пристегнуться.

- Мы с мамой собираемся в город взять видеофильмы. И для нее, и для меня. Сейер завел машину и проверил «мертвый сектор».
- А что ты хочешь посмотреть? Фильм про преступников?
- Да. «Один дома-2». «Один дома» я смотрел два раза.
- Значит, вам придется ехать на автобусе туда и обратно. Машины-то у вас нет.
- Да. Получится дольше, но это ничего, у нас много времени. Раньше, когда у папы... когда у нас была машина, не успеешь и глазом моргнуть – а ты уже съездил туда и обратно. Он сунул палец в ноздрю и немного поковырял там.
- Папа хотел БМВ. Такой, на какой он ходил смотреть. Белый. Если бы она, эта тетенька, купила «Манту»...
- Сейер чуть не съехал в кювет. Сердце его в груди подпрыгнуло, но он взял себя в руки.
- Что ты сказал, Ян Хенри? Извини, не расслышал.
- Тетенька. Которая хотела купить нашу машину.
- Он об этом говорил?
- Да. В гараже. Это было в тот день – последний день, когда он был дома.
- Тетенька? – Сейер почувствовал, как по его спине пробежал холодок. – А он не сказал, как ее звали? – инспектор посмотрел в зеркало, перестроился и затаил дыхание.
- Сказал. У него на бумажке было записано.
- Ах, вот оно что?
- Но я его уже не помню, это было так давно.
- На бумажке? Ты ее видел?
- Ну да, она у него была в кармане, в комбинезоне. Он лежал на спине под машиной, а я сидел на верстаке, я там всегда сижу.
- Но ты говоришь, что видел листок – значит, он вынимал его из кармана?
- Да. Из кармана на груди. Он прочитал имя, а потом...
- Что? Положил назад в карман?
- Нет.
- А что, выбросил?
- Я не помню, что он с ним сделал, – сказал мальчик печально.
- А если ты хорошенько подумаешь, как, по-твоему, сможешь вспомнить?
- Не знаю.
- Мальчик серьезно смотрел на полицейского; он начал понимать, что речь идет о чем-то важном.
- Если я вспомню, я вам скажу, – прошептал он.
- Ян Хенри, – так же тихо сказал Сейер, – это очень-очень важно. Они подъехали к зеленому дому.
- Я понимаю.
- Так что, если вспомнишь что-нибудь про эту тетеньку – все, что угодно, – скажи своей маме, чтобы она мне позвонила.
- Ладно. Если вспомню. Ведь это было давно.
- Да, верно. Но иногда, если сильно напрячься и долго думать о чем-то, день за днем, можно вспомнить то, о чем ты, казалось, совершенно забыл.
- Пока, – сказал Ян Хенри.
- До скорого, – ответил Сейер.
- Он повернул и смотрел в зеркало, как мальчик бежит к дому.
- Мне следовало бы предположить, – сказал он себе, – что парень может что-то знать. Ведь он всегда торчал с отцом в гараже. Ничему-то меня жизнь не учит.

Женщина. Она могла послужить приманкой, чтобы вытащить его из дома; а мужчина ждал где-нибудь, чтобы выполнить грязную работу. Но почему? В доме номер 6 на Эрик Берресенгате был магазин, где продавали сантехнику, поэтому инспектор направился к дому номер 5 и на втором этаже нашел некоего Й. Миккельсена, безработного. Парня лет двадцати пяти, в джинсах с дырками на коленях.

– Вы знаете Эгиля Эйнарссона? – спросил Сейер и уставился на парня: как тот отреагирует?

Они сидели за столом на кухне, друг напротив друга. Миккельсен отодвинул в сторону стопку лотерейных билетов, солонку, перечницу и последний номер «Vi Menn»¹⁰.

– Эйнарссон? Что-то знакомое, но не могу вспомнить. Звучит так, как будто он исландец.

Ему едва ли было что скрывать. Так что, конечно, не стоило ехать сюда, сидеть здесь за столом, покрытым клетчатой клеенкой, в разгар рабочего дня, – чтобы упереться носом в тупик.

– Он умер. Его нашли в реке пару недель назад.

– О-о-о, точно!

Парень потерял тонкое золотое колечко в ухе и закивал:

– Ну конечно, я в газете видел. Убит ножом, и все такое. Да, теперь вспомнил. Эйнарссон. У нас тут скоро будет, как в Америке, и все это из-за наркотиков, если хотите знать мое мнение.

Честно говоря, Сейер не хотел. Он молчал и ждал, с любопытством вглядываясь в молодое лицо. Длинные волосы Миккельсена были расчесаны на прямой, как стрела, пробор, и ему очень шел «конский хвост», в который они были собраны. Надо же, некоторым мужикам это действительно идет, подумал Сейер. Могут запросто так ходить, и это выглядит совершенно нормально. Но таких немного.

– Да, ну, в общем, я его не знал.

– То есть вы не знали, какая у него была машина?

– Машина? Да вы что, откуда мне знать?

– У него был «Опель Манта». Модель восемьдесят восьмого года. В неправдоподобно хорошем состоянии. Он ее у вас купил два года назад.

– Ох, черт! Так это он?! – Миккельсен кивнул, как бы подтверждая свои слова. – Ну конечно, потому-то мне имя и показалось знакомым. Черт знает что!

Он зашарил по столу в поисках пачки антеникотиновой жвачки, поставил ее на ребро, дал шелчка и снова поставил.

– А откуда, черт бы вас побрал, вы это узнали?

– Вы же подписали договор купли-продажи, как и полагается. Вы давали объявление в газету?

– Нет, я просто ездил с объявлением на стекле. Я деньги сэкономил. Прошло всего два дня, и он позвонил. Он был довольно-таки странный тип, доложу я вам. Копил деньги целую вечность, платил наличными и все такое.

– А почему вы решили ее продать?

– Я не решал. Я потерял работу, и у меня просто не стало возможности ее содержать.

– То есть сейчас у вас машины нет?

– Почему? Есть. У меня «Эскорт», я купил его на автомобильном аукционе, старый такой. Но я им редко пользуюсь, у меня сейчас денег нет на бензин, я на пособие живу.

– Ну, на бензин-то хватит. – Сейер встал.

¹⁰ Еженедельный иллюстрированный журнал.

– Нет, не хватит, если хотите знать, что я думаю.

Оба усмехнулись.

– Помогает? – спросил Сейер и кивнул на упаковку жвачки.

Парень ненадолго задумался:

– Да, пока действует, но становишься полностью от нее зависимым. Да и дорогая она. А вкус отвратный, все равно что окурочку жевать.

Сейер вышел, мысленно вычеркнул Миккельсена, возглавлявшего список, и перенес его имя в самый конец. Перешел улицу, чувствуя, как тепло ему становится в кожаной куртке от припекающего солнца. Это было самое лучшее время года для Сейера – он был полон ожиданий, мечтал о даче на острове Сандэйя, о солнце, море и соленой воде; это была квинтэссенция всех хорошо проведенных летних отпусков. Случалось, он чувствовал озабоченность, потому что был и другой – печальный – опыт: лето с дождем и ветром, такое тоже бывало. А если лето было солнечное, он немного успокаивался и не так сильно чесался.

Сейчас он быстро взбежал по невысоким ступенькам, открыл дверь, толкнув ее, коротко кивнул фру Бреннинген в приемной. По правде говоря, она довольно симпатичная женщина, эта фру Бреннинген. Умная и приветливая. Он не был бабником, хотя, может, и следовало бы, но это подождет. Пока он довольствовался тем, что смотрел на женщин.

– Что-то интересное? – спросил он и кивнул на книгу, которую она почитывала, если все было тихо.

– Ничего, – улыбнулась она. – Интриги, власть и вождество.

– Прямо про нашу профессию.

Он поднялся по лестнице, закрыл за собой дверь кабинета и уселся на стул от Киннарпс¹¹, который купил себе сам. Потом снова встал, вынул из шкафа дело Майи Дурбан, снова сел и принялся читать. Немного задержался взглядом на фотографиях – сначала на той, где она была еще жива: красивая, круглолицая, немного полноватая женщина. Черные брови, узкие глаза. Довольно-таки коротко подстрижена. Ей шло. Привлекательная женщина, жившая без забот. О ней многое говорила ее манера улыбаться: немного дерзкая, дразнящая улыбка, от которой на щеках образовывались ямочки. На другой фотографии она лежала на спине на кровати и смотрела в потолок широко раскрытыми глазами. На лице не было ни страха, ни удивления. Лицо ее вообще ничего не выражало, оно было похоже на маску, которую кто-то снял и бросил на постель.

В папке лежало несколько фотографий, сделанных в ее квартире. В комнатах был порядок, это были красивые комнаты, полные красивых вещей, женственные, но без всяких там кружев, да и тона нельзя было назвать пастельными – мебель и ковры были интенсивных цветов: красные, зеленые, золотые; такие цвета могла выбрать сильная женщина, подумал он. Ничто не говорило о произошедшем: ничего не было разбито или перевернуто, как будто бы все случилось совершенно бесшумно. Как будто бы ее застали врасплох. Она знала его. Сама открыла ему дверь, разделась тоже сама. Сначала они занимались любовью, и ничто не указывало на то, что она делала это против своей воли. А потом что-то случилось. Что-то словно бы сломалось, произошло короткое замыкание. Сильный мужчина мог лишить жизни маленькую женщину всего за несколько секунд, инспектор знал об этом: несколько ударов ногой – и все. И никто не услышит криков жертвы, если рот ее закрыт подушкой из утиного пуха, подумал он. Остатки семени, найденные в теле жертвы, были проверены на ДНК, но поскольку у них еще не было своей базы данных, то сравнивать было не с чем. Соответствующее ходатайство уже находилось в Стортинге, оно должно было быть рассмотрено в течение весны. И вот потом-то, подумал он не без злорадства, горе каждому со всеми его физиологическими особенностями. Остерегаться придется всем. Все человеческие выделения можно будет соскрести и подвергнуть тесту на

¹¹ Шведская компания, один из крупнейших производителей офисной мебели в Европе.

ДНК, и доля ошибки будет составлять 1 на 17 миллиардов. Какое-то время они забавлялись, обдумывая идею: а не следует ли попросить политиков принять закон, обязывающий всех мужчин в коммуне в возрасте от 18 до 50 лет пройти тест; но оказалось, что это тысячи мужчин. Проект обошелся бы в несколько миллионов и занял бы, возможно, несколько лет. Министр юстиции, тем не менее, рассматривала предложение со всей возможной серьезностью, пока ее не ознакомили с делом поближе и она не узнала о жертве побольше. Оказалось, что Майя Дурбан не стоила таких денег. Это Сейер до какой-то степени мог понять. Иногда он в своих фантазиях заходил далеко и представлял себе будущее, когда все норвежские подданные автоматически будут тестироваться при рождении, а соответствующая информация о них будет заноситься в банк данных. Эта возможность сулила головокружительные перспективы. Какое-то время он еще сидел и читал протоколы допросов; их было немного – трое коллег, пятеро соседей и двое знакомых мужчин, которые утверждали, что плохо ее знали. И, наконец, – эта ее подруга детства, давшая весьма расплывчатые показания. Возможно, она слишком легко отдалась, не исключено, что она знала больше, чем захотела рассказать. Немного нервная на вид, но вполне порядочная женщина, во всяком случае, никаких оснований ее задерживать у них не нашлось. И зачем ей было убивать Дурбан? Подруги не убивают друг друга, подумал он. Кстати, она произвела на него впечатление, эта художница с длинными ногами и красивыми волосами, Эва Мария Магнус.

Никто из техников про зеленый комбинезон ничего не помнил.

Фонарик они тоже не видели, не говоря уже про обрывок бумаги с именем и номером телефона. Бардачок был обследован очень тщательно, там лежали вполне обычные вещи, которые все обычно хранят в бардачках: техпаспорт, инструкция, карта города, пачка сигарет, обертка из-под шоколада. Две пустые одноразовые зажигалки. И – несмотря на утверждения жены об отсутствии интереса к женщинам – упаковка «Black Jack». Все было тщательно внесено в протокол.

Потом инспектор позвонил в пивоварню. Попросил соединить с отделом кадров. Трубку взял нужный ему человек, у него еще сохранился акцент – Сейер понял, что он с севера страны.

– Эйнарссон? Ну конечно, я его помню. Действительно ужасная история, ведь, насколько я понимаю, у него же семья осталась. Он был один из самых наших добросовестных работников. За семь лет практически ни одного пропуска. А это говорит о многом. Но вот что касается сентября, октября минувшего года... Минуточку! – Сейер слышал, что его собеседник роется в бумагах.

– Трудно найти сразу. Это может занять какое-то время. У нас ведь сто пятьдесят человек работает. А я не могу вам сам перезвонить?

– Я предпочел бы подождать.

– Ладно, тогда ждите.

В трубке зазвучала застольная песенка. «Пока муж ходил за пивом». Немного странно, конечно, но все-таки лучше, чем осточертевшая фоновая музыка. Это была датская версия, с аккордеоном. Исключительно забойная.

– Да, точно. – Кадровик кашлянул. – Вы слушаете? Он пришел на работу довольно поздно один-единственный раз, в октябре. Второго октября. Появился только в полдесятого. Возможно, проспал. Они иногда ходят в пивную, наши парни. Сейер забарабанил пальцами по столу.

– Спасибо вам. И еще один маленький вопрос, пока не забыл. Фру Эйнарссон осталась одна с шестилетним сыном. Она не получила от вас никаких денег. Это правда?

– Да, правда.

– Как же такое могло произойти? У Эйнарссона ведь была страховка, не так ли?

– Да, разумеется, но мы же не знали точно, что произошло. А правила очень четкие. Случается, что люди просто уезжают. Бегут от чего-то, никогда не знаешь наверняка, что человеку в голову может прийти.

– В таком случае ему пришлось бы сначала потрудиться и зарезать, например, курицу или что-то в этом роде, – сухо заметил Сейер. – А всю кровь выпустить прямо в машине. Я исхожу из того, что кое-какие детали вам известны?

– Да, конечно. Но я обещаю, что теперь дело будет взято под особый контроль – сейчас у нас есть вся необходимая информация. – В его голосе чувствовалось беспокойство, и акцент стал сильнее.

– Рассчитываю на вас, – сказал Сейер.

На самом деле забавно, подумал он, но, разумеется, это может быть простым совпадением. Что Эйнарссон проспал именно в этот день. На следующий день после того, как была убита Майя Дурбан.

Чтобы попасть в «Королевское оружие», инспектору пришлось переехать через реку. Он ехал медленно, наслаждаясь скульптурами, стоявшими по обе стороны моста на расстоянии нескольких метров друг от друга. Они изображали женщин за работой, женщин с кувшинами на голове, женщин с младенцами на руках и танцующих женщин. Невероятно красивая выставка высоко над грязной рекой. Потом он повернул направо, миновал старую гостиницу и медленно въехал на улицу с односторонним движением.

Сейер припарковался, вышел и запер машину. В заведении было темно, воздух – спертый, стены, мебель и весь инвентарь были пропитаны табачным дымом и потом, все это въелось в древесину и придавало пабу именно такой вид, который ценили клиенты. На стенах, оклеенных обоями под краску, действительно висело королевское оружие: старые мечи, мушкеты и ружья, даже старинный арбалет, по правде говоря, очень красивый. Сейер остановился у барной стойки, давая глазам привыкнуть к темноте. В конце зала он увидел двойную дверь-вертушку. Она открылась, и на пороге показался невысокого росточка парень в белой поварской куртке и брюках с узором «пепита».

– Могу ли я видеть управляющего?

Сейер с удовольствием рассматривал парня. Ему понравился этот старомодный поварской костюм, он вообще любил все традиционное.

– Это я. Но мы ничего не покупаем.

– Полиция, – представился Сейер.

– Тогда дело другое. Сейчас, только морозильник закрою.

И он снова исчез. Сейер осмотрелся. В пабе было двенадцать столиков. Расставлены они были подковой, за каждым могло разместиться шесть человек. Сейчас тут не было ни души, пепельницы стояли чистые, а в подсвечниках отсутствовали свечи.

Повар, он же и управляющий, вышел из вращающейся двери и приветливо кивнул. Поварского колпака на его голове не было, но волосы были обильно смазаны жиром, или гелем, или каким-то фиксатором, они были черные и блестящие и напоминали панцирь навозного жука. Лишь урагану было бы под силу поднять хоть один волосок, оторвать его и швырнуть, например, в суп. «Очень практично», – решил про себя Сейер.

– Вы здесь каждый вечер работаете? – Он уселся на табурет у стойки бара.

– Yes, sir, каждый божий вечер. Кроме понедельника, потому что тогда мы закрыты.

– Не очень-то удачный распорядок работы у вас, мне кажется. И открыты вы каждую ночь до двух часов?

– Если у кого жена, дети, собака, машина и дом в городе-то вы совершенно правы. Но у меня ничего этого нет. – Он широко улыбнулся. – Для меня это то, что надо. И потом, работа

мне нравится, и ребята, что сюда ходят, тоже. Знаете, мы, как говорится, как одна большая семья.

Он обнял руками воздух, показывая, насколько они большая семья, и подпрыгнул, чтобы влезть на табурет.

– Отлично.

Сейер улыбнулся, разглядывая человечка в клетчатых брюках. Лет ему было где-то между сорока и пятьюдесятью, белый китель сиял чистотой, ногти тоже.

– Вы ведь знаете парней из пивоварни, которые здесь ошиваются, правда?

– Ошивались. Сейчас они, по правде говоря, больше не приходят. Не совсем понимаю, почему. Примуса нет, наверное, в этом все и дело.

– Примуса?

Эгиля Эйнарссона. В компании его звали Primus Motor¹². Он как бы всех их объединял. Вы ведь наверняка из-за него пришли?

– Они что и правда его так называли?

Управляющий улыбнулся, выудил два арахисовых орешка из плоски и пододвинул ее к Сейеру. Орешки показались инспектору похожими на маленьких жирных гусениц, и он не стал их есть.

– Но компания ведь была большая?

– Всего человек десять-двенадцать, но завсегда было четыре-пять, и вот они-то сидели здесь почти каждый день. Честно говоря, в этих ребятах я был уверен, думал, что они-то останутся. Не понимаю, что произошло. Знаю, конечно, что Примуса кто-то зарезал. Но никак не могу понять, почему другие-то не приходят! Весьма прискорбно. Эти парни, знаете, они давали неплохой доход. И им здесь нравилось. Хорошие ребята.

– Расскажите, а что они здесь делали, когда приходили? О чем говорили?

Собеседник инспектора откинул волосы назад, жест был, впрочем, совершенно бесполезный.

– Они постоянно играли в дартс. – Он показал на огромную мишень в глубине зала. – Даже соревнования проводили, и все такое. Болтали, смеялись, что-то обсуждали. Пили и дурачились, короче, как большинство других парней. Здесь они могли расслабиться без жен. Это место для парней.

– А о чем они говорили?

– О машинах, о женщинах, про футбол еще. И о работе – если происходило что-то особенное. И о женщинах – я сказал?

– А случалось, что они ссорились?

– Ну да, но ничего серьезного. Я хочу сказать, расставались они всегда по-дружески.

– А вы их знали по именам?

– Ну да, если считать Примуса, Педро и Графа именами. Я понятия не имел, как их звали на самом деле. Кроме Арвесена, самого молодого из них. Ника Арвесена.

– А кто такой Граф?

– Художник, график. Делал плакаты, рекламные материалы для пивоварни, кстати, очень неплохие. Я не знаю, как его на самом деле зовут.

– А мог ли кто-то из них прирезать Эйнарссона?

– Нет, да что вы! Это наверняка сделал кто-то чужой. Ведь они все были друзья.

– А они знали Майю Дурбан?

– Ее все знали. А вы нет?

Инспектор пропустил вопрос мимо ушей.

– В тот вечер, когда убили Дурбан, у вас ведь было шумновато, правда?

¹² Движущая сила.

– Точно. И если я этот вечер помню, то только из-за ваших мигалок. Обычно это не проблема. Но в таких случаях это как бы всех касается.

– А скандал начался до или после того, как вы увидели наши патрульные машины?

– Ой, надо подумать. – Он жевал арахис и облизывал губы. – До того, по-моему.

– А вы знаете, из-за чего?

– Да по пьянке, из-за чего ж еще? Педро выпил больше, чем следует. Мне даже пришлось звонить Майе, хотя я терпеть не могу это делать. Я считаю, что это для меня дело чести – убирать все самому, но в тот вечер не получилось. Он совсем с катушек слетел, я не врач, конечно, но мне кажется, это было очень похоже на белую горячку.

– А он вообще шумный был?

– Немного возбужденный, это точно. Но он не один такой был. Они часто разговаривали слишком громко. Примус-то на самом деле был одним из самых спокойных, иногда, правда, мог вскипеть из-за чего-то, знаете, как маленькие землетрясения в Сан-Франциско, когда стаканы в барах начинают звенеть. А так – нет. И он часто приезжал сюда на машине, тогда вообще пил колу или «Seven Up». А когда у них были соревнования, он вел счет и все записывал.

– И наши люди замели Педро?

– Ага. Но потом я узнал, что они передумали.

– За него Эйнарссон заступился.

– Ничего себе! Разве такое возможно?

– Ну, ничто человеческое нам не чуждо. Знаете, ничего нет лучше простых человеческих контактов. Нам их явно недостает. А вы никаких слов не разобрали? В этом шуме?

– Конечно, разобрал, потому что не услышал бы только глухой. «Чертовы бабы» и все в таком роде.

– То есть что-то, связанное с женщинами?

– Да вряд ли. Выпил лишнего и стал орать. Знаете, у кого чего болит... Насколько я знаю, он был женат, но брак его не был особо счастливым, разве не из-за этого они все сюда таскались, как по-вашему? – Он вытащил зубочистку из бочонка на барной стойке и принялся чистить и без того чистые ногти. – А вы думаете, эти два убийства как-то друг с другом связаны?

– Понятия не имею, – признался Сейер. – Но не могу удержаться, чтобы не спросить, если уж я здесь сижу. Смотрю в окно на улицу и фактически вижу дом, где она жила. Или почти вижу.

– Понимаю, о чем вы. Кстати, прелестная женщина. И выглядела так, как и подобает женщине. – А она сюда часто заходила?

– Нет. У нее были более благородные привычки. Она могла лишь изредка сюда заскочить, только чтобы опрокинуть рюмку коньяка, очень быстро, и тут же выскочить. Я думаю, у нее было мало свободного времени. Очень активная дамочка, шустрая такая.

– Парни, что ходили сюда, наверняка об этом говорили.

– Слухи про это убийство здесь в зале были – как коровья лепешка. Они все, как мухи, вились над ней – неделями. Люди все одинаковы.

Сейер соскользнул с табуретки.

– И теперь они больше не приходят?

– Да нет, заходят, но редко и уже не так, как раньше. Приходят все поодиночке. Выпьют по два пол-литра и уходят. Извините, – спохватился он, – я, наверное, должен был предложить вам выпить?

– Как-нибудь в другой раз. Может, как-нибудь зайду и тоже возьму пол-литра. А вы вкусно готовите?

– Заходите вечерком, попробуйте шницель Кордон-блю.

Сейер вышел за дверь и замер – яркий дневной свет ослепил его. Повар шел за ним.

– Полиция к нам приходила – после того, как умерла Дурбан. Эдакий английский денди с усами колечками вверх.

– Карлсен, – улыбнулся Сейер. – Он из Хокксунна.

– Ну, тогда ладно.

– А вы не обратили внимания, из них в тот вечер никто никуда не отлучался?

Ну, конечно, – ухмыльнулся повар. – Я ждал этого вопроса. Но теперь уже не вспомню. Они часто приходили, уходили, да к тому же полгода прошло. Иногда они заходили в «Семерку», потом возвращались, случалось, они ели в «Пекине» и пили в основном там. Эинарссону могло стукнуть в голову поехать за «Эгебертс»¹³, я его не продаю. Но что касается конкретно того вечера, я не помню. Надеюсь, вы не в претензии.

– Спасибо, что поговорили со мной. Все равно было приятно познакомиться.

По дороге домой он остановился у магазинчика «FINA»¹⁴. Зашел внутрь и взял «Дагбладет» со стойки у кассы. За прилавком стояла хорошенькая светловолосая девушка с кудряшками. Пухлое личико, круглые золотистые щечки, похожие на свежее испеченные булочки. Но ей явно было не больше семнадцати, поэтому все чувства, кроме чисто отеческих, он в себе подавил.

– Какой красивый на вас костюм, – сказал он. – У меня похожий дома, в гараже.

– Да? – удивленно улыбнулась она. – А вы не знаете, они бывают детских размеров?

– Господи, понятия не имею!

– А вы можете у кого-нибудь спросить?

– Конечно, сейчас позвоню.

Он кивнул и раскрыл газету, пока она набирала номер. Ему нравилось, как пахнет в магазинах «FINA», смесью масла и сладкого шоколада, табака и бензина.

– Самый маленький размер на десять лет. Стоит двести двадцать пять крон.

– Не могли бы вы заказать такой для меня? Самый маленький. Он, наверное, будет еще великоват, но дети же растут.

Она кивнула, он положил кредитку на прилавок, поблагодарил ее, заплатил за газету и вышел. Когда приехал домой, достал из морозильника упаковку сметанной каши. Это была готовая каша фирмы «Tine», но все равно жутко вкусная. Он не особо умел готовить, готовила всегда Элисе. А сейчас ему было все равно. Раньше, когда он бывал голоден, он ощущал раздражающее посасывание под ложечкой, смешанное с чудесным предвкушением того, что там у Элисе в кастрюльках. Сейчас голод был похож на заливающегося лаем пса, и, когда он становился нестерпим, Сейер словно бы кидал ему собачью галету. Но вот посуду он мыл просто замечательно. Каждый день в течение более чем двадцати лет их брака он мыл посуду. Он сел за кухонный стол и принялся медленно есть кашу, запивая ее соком. Мысли перескакивали с одного на другое, пока, наконец, не задержались на Эве Магнус. Он поискал в голове какой-нибудь повод навестить ее снова, но не нашел. Дочка ее была, наверное, одних лет с Яном Хенри. А муж ее бросил и наверняка вообще никогда не встречался с Майей Дурбан. Но он, конечно, был о ней наслышан. Сейер знал, что девочка два раза в месяц по выходным бывает у отца, значит, вероятнее всего, он живет не так далеко отсюда. Он попытался вспомнить, как зовут бывшего мужа Эвы, но так и не смог. Что ж это можно выяснить. Просто так, на всякий случай – кто знает? Еще одно имя в списке. А времени у него достаточно.

Он доел, вымыл тарелку под краном и подошел к телефону. Позвонил в аэроклуб и записался на прыжки в субботу, если только не будет сильного ветра – ветер он просто не переносил. Потом открыл телефонную книгу на фамилии «Магнус» и медленно повел пальцем по списку имен сверху вниз. И как только увидел, сразу же вспомнил: Юстейн Магнус, дипло-

¹³ Марка табака.

¹⁴ Сеть бензозаправок, при которых есть небольшие магазины.

мированный инженер. Адрес: Лилле Фрюденлюнн. Он снова пошел на кухню, сварил себе в кофейной машине большую чашку кофе и уселся в кресло в гостиной. Тут же появился Кольберг и положил голову ему на ноги. Сейер открыл газету и где-то на середине статьи, автор которой зажигательно агитировал за вступление в Евросоюз, заснул.

Эмма вернулась, и это принесло Эве облегчение. Эва просто не могла думать ни о чем другом, она снова и снова возвращалась мыслями к тому, что произошло, поэтому она радовалась, что теперь девочка рядом, несмотря на все заботы, которых требовал ребенок. Ей оставалось только ждать. Она взяла дочь за мягкую пухлую ручку и пошла к машине. Эва ни словом не обмолвилась о розовом школьном рюкзаке у отца – сюрприз так сюрприз. Ей не хотелось лишать отца радости – у него в жизни радостей было не так уж много. Эмма уселась на заднее сиденье и сама пристегнулась ремнем; на ней был каштанового цвета комбинезон, который ей очень шел, а Эва помогла дочери причесаться. Отец жил не так уж и близко, примерно полчаса езды на машине, но не прошло и пяти минут, как Эмма уже начала капризничать. Эва почувствовала, как ее охватывает раздражение.

– Можно мне мороженое?

– Мы же только что сели в машину! Можно хоть раз доехать до бабушки, ничего не покупая по дороге?

– Только одно малюсенькое мороженое!

– Ты и так слишком толстая, тебе бы вообще не следовало ничего есть – и подольше!

Она никогда не называла Эмму толстой. Ей казалось, что если она произнесет это слово вслух, то тучность девочки немедленно превратится в проблему. Потому что Эмма увидит ее сама.

– Давай для начала хотя бы выберемся из города, – сказала Эва резко. – Кроме того, бабушка нас уже ждет. Может, он приготовил ужин, и тогда мы не должны перебивать аппетит. Ты знаешь, это его огорчит.

– А как это – перебивать аппетит? – удивленно спросила Эмма.

Подобный феномен был ей незнаком, она никогда не страдала отсутствием аппетита.

Эва не ответила. Она думала о том, что скоро начнутся занятия в школе, Эмму надо непременно будет показать школьному врачу. Остается надеяться, что она будет не единственной толстушкой в классе, ведь там двадцать шесть учеников, поэтому вполне вероятно, что такая проблема будет еще у кого-нибудь. Странно: она сидит в машине и размышляет о будущем, в котором ей самой, вполне возможно, места уже не будет. Не исключено, что в школу Эмму поведет Юстейн. Причесет непослушные волосы, будет держать за пухлую ручку.

Поток машин тек плавно, Эва ехала очень аккуратно, боясь превысить скорость. Это стало уже какой-то манией: не дать никому повода придраться к ней, ни в коем случае не привлекать к себе внимание. Вскоре они выбрались из центра, проехали круглосуточную заправку «ESSO», которая осталась слева.

– Но тут же можно остановиться, мамочка! Здесь можно купить мороженое!

– Нет, Эмма. Послушай-ка... – Она произнесла это чересчур резко, немедленно пожалела об этом и сказала более мягко: – Давай лучше купим мороженое на обратном пути.

И обе замолчали. Эва смотрела в зеркало на личико дочери, пухлые щеки, массивный подбородок, унаследованный от отца. Лицо девочки было серьезным, как будто она знала, что ждет ее в будущем, через что ей, возможно, придется пройти, если...

– А я асфальт вижу, – сказала вдруг Эмма. Она свесилась с сиденья и пристально вглядывалась в пол машины.

– Знаю, это все ржавчина. Мы скоро купим новую машину, у меня просто руки пока не дошли.

– Но ведь у нас теперь есть деньги, правда? Есть, мамочка?

Эва глянула в зеркало. Никаких машин сзади.

– Да, – коротко ответила она. Остаток пути они проехали молча.

Отец заранее отпер дверь. Старую «Аскону» он увидел издалека, так что в дверь они позвонили больше для порядка. Отец ходил плохо и очень медленно – ноги совсем не слушались. Эва обняла его и крепко прижала к себе. Как обычно, от отца пахло сигаретами «John Player» и лосьоном после бритья. Эмма терпеливо ждала своей очереди.

– Мои самые любимые девушки! – воскликнул отец радостно. И продолжил без всякого перехода: – Эва, дальше худеть уже нельзя. Ты в этом наряде похожа на палку.

– Спасибо за комплимент, – поблагодарила дочь. – Правда, про тебя тоже не скажешь, что ты поперек себя шире. Так что сам знаешь, в кого я такая.

– Да ладно. Хорошо, что у нас тут есть кое-кто, умеющий наслаждаться жизнью. – Он обхватил Эмму тощей рукой. – Ну-ка, сбегай в мой кабинет, я там припас для тебя подарок.

Девочка моментально высвободилась из рук деда и понеслась по коридору. И почти сразу же они услышали ее ликующий вопль – казалось, весь дом содрогнулся.

– Розовый! – кричала она, вприпрыжку вбегая в комнату.

Рюкзак совершенно не подходит к ее рыжим волосам, с грустью отметила Эва. Коричневый был бы гораздо лучше. Она попыталась забыть о тех грустных вещах, которые занимали все ее мысли в последние дни.

Отец заказал жареную курицу из магазина, и Эва помогла ему накрыть на стол.

– Вы можете остаться на ночь, – сказал он, ему явно хотелось, чтобы они остались. – И мы выпьем красного вина. Как в старые добрые времена. А то я уже почти совсем позабыл, как вести себя среди людей, ко мне никто, кроме тебя, не приезжает.

– А что, разве Юстейн никогда не заезжает?

– Очень редко. Хотя на Юстейна я пожаловаться не могу. Он и звонит, и открытки по праздникам присылает. Я очень люблю Юстейна, он был неплохим зятем. Твоя мама тоже так говорила.

Эмма пила безалкогольное имбирное пиво и с выражением благоговения на лице ела курицу. Эве пришлось помочь отцу положить еду в тарелку. Когда он был один, то в основном питался кашей, хотя признаваться в этом отказывался. Эва вынула косточки из его куска и налила вина. Это была «Канепа», единственное вино, которое переносил его желудок, зато пил он его помногу. Время от времени она перекладывала еду со своей тарелки в Эммину. Делать это, конечно, не следовало бы, но, пока девочка жует, меньше опасность, что она примется рассказывать про труп в реке.

– У тебя есть сейчас кто-нибудь, девочка моя? – вдруг спросил отец.

Эва удивленно посмотрела на него.

– Нет, представь себе – никого нет.

– Ну, и ладно, – сказал он. – Значит, скоро появится.

– Представь себе, оказывается, без этого вполне можно обойтись, – заверила она его.

– Мне-то про это можешь не рассказывать, – заметил он. – Я уж больше четырнадцати лет вдовец.

– Только не говори мне, что у тебя четырнадцать лет никого не было, – запротестовала она. – Я тебя знаю!

Он подавил смешок и пригубил вино.

– Это нужно хотя бы для здоровья.

– Но я же не могу выйти на улицу, чтобы кого-то подцепить, – ответила она и вонзила зубы в хрустящую корочку куриной ножки.

– А почему бы и нет? Ты просто пригласи его на ужин. Многие будут в просто в восторге, я уверен. Ты такая красивая, Эва. Немного худая, но красивая. И ты так похожа на маму.

– Да нет, я больше на тебя похожа.

– Удалось что-нибудь продать из картин? Много работаешь?

– Что тебе сказать... Нет. И да.

– Если тебе нужны деньги, скажи.

– Нет, не надо, спасибо. Знаешь, мы научились довольствоваться малым.

– Раньше у нас никогда не было денег на «Макдоналдс», – вдруг громко сказала Эмма. – А теперь есть!

Эва почувствовала, что покраснела. Какая досада! Отец знает ее достаточно хорошо, и вообще он человек проницательный.

– Ты что-то скрываешь от меня?

– Слушай, мне почти сорок, вполне естественно, что у меня есть от тебя тайны.

– Тогда все, молчу. Но берегись, не дай бог, тебе что-то от меня нужно, а ты молчишь. Я страшен в гневе, это я так – на всякий случай.

– Я знаю, – улыбнулась она.

Ужин они доели молча. Потом Эва вылила оставшееся вино в отцовский бокал и убрала со стола. Она все делала медленно. Думала о том, что, возможно, вот так возится у отца в доме в последний раз. Теперь она все время будет об этом думать.

– Приляг на диван. А я сварю кофе.

– У меня есть ликер, – сказал он.

– Отлично, я найду. Иди и ложись. Я помою посуду и почитаю Эмме. А потом – попозже – можем распить еще бутылочку.

Отец с видимым усилием поднялся из-за стола, она поддерживала его под руку. Эмме пришло в голову, что она должна непременно спеть что-то для бабушки, чтобы он поскорее заснул, и он с радостью согласился ее послушать. А Эва пошла на кухню, засунула несколько купюр в стеклянную банку-копилку, которую отец держал в шкафу, и налила воду в раковину. Вскоре голос Эммы разносился по всему дому. Она пела «*Na skal vi skilles Johanne*»¹⁵. Эва застыла у раковины. Она смеялась и плакала одновременно. Слезы все бежали и бежали по ее лицу и падали в пенную воду. Вечером она укрыва отца пледом и подоткнула ему под спину пару подушек. Они погасили почти весь свет в доме и сидели в полутьме. Эмма уже спала, дверь в ее комнату была открыта, они слышали, как она посапывает.

– Скучаешь по маме? – спросила Эва и погладила руку отца.

– Я вспоминаю ее каждый час.

– Мне кажется, она сейчас здесь, с нами.

– Конечно, с нами, так или иначе. Но мне от этого не легче. – Он пошарил по столу в поисках сигарет, она дала ему прикурить. – Как ты думаешь, почему она была несчастна?

– Не знаю. Слушай, а ты веришь в Бога? – вдруг спросила она.

– Не глупи!

И они опять замолчали. Надолго. Отец потягивал свое красное вино, и она знала, что скоро он уснет прямо на диване, а потом, когда проснется, у него будет болеть спина. Как всегда.

¹⁵ «Сейчас мы должны расстаться, Юханна»-песня, популярная в Норвегии в 1980-е годы. Автором ее является Кнут Т. Стурбукос, или «Спутник».

– Когда я вырасту, я выйду за тебя замуж, – сказала она устало, закрыла глаза, чувствуя, что и сама сейчас уснет, прямо так, сидя на диване, прислонившись головой к его спинке. У нее больше не было сил. Здесь, в гостиной отца, она чувствовала себя в безопасности. Как тогда, когда была еще ребенком и он мог ее защитить. Сейчас он уже не мог этого сделать, но все равно ей было хорошо.

Сейер проснулся оттого, что у него затекла шея. Как всегда, он уснул в кресле после ужина. К тому же он чувствовал, что у него намокли ноги. Пес опять лежал у него в ногах и пускал слюни. Конрад пошел в душ. Медленно, не глядя в зеркало, разделся, встал под струю и стал медленно поворачиваться. Каждый раз, когда он невольно задевал плитку на стене, по лицу его пробегала гримаса. Эта проклятая плитка была из винила – эдакая имитация мрамора. С годами она пожелтела. И сейчас, задним числом, он не мог представить себе ничего более отвратительного для отделки стен в ванной. Элисе годами к нему приставала и просила заменить эту жуткую плитку, купить что-нибудь вместо нее, она тоже считала ее отвратительной. Ладно, отвечал он, конечно, непременно. К весне – обязательно, я тебе обещаю, Элисе. И так продолжалось годами. А потом, когда она уже заболела, исхудала и потеряла волосы, он решил было в отчаянии заняться, наконец, этой треклятой ванной, но она только покачала головой. «Ты еще успеешь сделать это потом, Конрад», – сказала она слабым голосом. Его охватила жуткая тоска, ему даже пришлось несколько раз сильно моргнуть, чтобы не дать ей одолеть себя. На это у него не было времени, во всяком случае – сейчас. Он вытерся и оделся, потом прошел в гостиную и позвонил дочери, Ингрид. Ингрид была их единственным ребенком. Они долго болтали о том о сем, а под конец он пожелал Маттеусу спокойной ночи. Теперь он чувствовал себя значительно лучше. Прежде чем выйти из дома, он задержался у фотографии Элисе, которая висела над диваном. Она улыбалась ему. Потрясающая улыбка, безупречные зубы и никаких проблем. Пока. Ему всегда нравилась эта фотография. Но в последнее время она стала его немного раздражать, сейчас он предпочел бы, чтобы выражение ее лица было иным, возможно, ему хотелось бы увидеть фотографию, на которой она выглядит более серьезной – это больше соответствовало бы его собственному душевному состоянию. Такую фотографию, например, что стоит у Ингрид на пианино. Может, им поменяться? Он думал об этом, запуская Кольберга на заднее сиденье машины и выезжая в направлении Фрюденлюнна. Он еще не вполне ясно представлял себе, о чем станет говорить, когда приедет, но, как и всегда, полагался на свой талант импровизации – этим мастерством он владел в совершенстве. Людей всегда страшили паузы, им непременно хотелось их чем-то заполнить. Паузы возникали то и дело, внезапная тишина казалась его собеседникам мучительной. Именно эта лихорадочная болтовня его и интересовала, потому что люди, выведенные из равновесия, часто выбалтывали то, что могло оказаться для него полезным. К тому же Юстейн Магнус его не ждал. И не мог договориться со своей бывшей женой заранее. По правде говоря, Магнус вообще мог отказаться с ним разговаривать. Об этом Сейер, кстати, совсем не подумал. Но сама мысль показалась ему забавной, и он улыбнулся.

Магнус оставил Эве дом в Энгельстаде, а сам переехал в квартиру в Фрюденлюнне. Ну что ж, Сейеру доводилось видеть многоквартирные дома и похуже – например, тот, в котором обитал он сам. Многоэтажки, в одной из которых жил бывший муж Эвы Магнус, располагались в очень зеленом месте. Дома были шестиэтажные и стояли полукругом, как перевернутые костяшки домино – белые с черными точками. Если задеть крайний, то рухнут и все остальные. Жили здесь, судя по всему, люди творческие. Вдоль стен и перед подъездами были разбиты клумбы и посажены кусты, совсем скоро здесь все должно было зацвести. Улица перед домами тоже была очень аккуратной, асфальт – чистейший, ни пылинки, ни соринки. Каждая

из дверей квартир тоже была украшена – скромно, но достойно, либо симпатичными дверными табличками, либо засушенными цветами.

Дверь открыла гражданская жена Магнуса. Инспектор с любопытством взглянул на нее, стараясь понять, как эта женщина смогла заменить Эву Магнус. Дамочка была довольно пышная, женственная, пышущая здоровьем. Сейер даже не знал, на чем остановить взгляд. У Эвы Магнус, такой худой и серьезной, не было ни малейшего шанса по сравнению с этим кудрявым ангелочком.

– Сейер, – представился он дружелюбно. – Полиция.

Дверь моментально распахнулась. Поскольку он так широко и приветливо улыбался, она не спросила его, что же случилось, хотя обычно люди об этом спрашивали – если выражение лица его было иным, если он надевал на себя серьезную маску, такой прием он тоже использовал иногда. Но во взгляде ее был вопрос.

– Я приехал поговорить, – пояснил он. – С господином Магнусом.

– Ах, вот как? Он как раз дома.

Она проводила инспектора вглубь квартиры. С дивана навстречу ему поднялся рыжеволосый гигант. Перед ним на столе на газете «Арбейдербладет» лежали доисторический ящер из дерева и тюбик клея. У ящера не хватало одной лапы.

Они обменялись рукопожатием; гигант явно не научился соизмерять свою силу, или же он решил, что Сейер в состоянии выдержать столь крепкое рукопожатие. Но по сравнению с хозяином дома полицейский казался довольно щуплым, и его руке стало больно.

– Присаживайтесь, – предложил Магнус. – У нас есть что-нибудь выпить, Софи?

– Это совершенно неофициальный визит, – начал Сейер. – Просто мне стало любопытно... – Он уселся в кресло и продолжил: – Я приехал потому, что вы были женаты на Эве Магнус и наверняка помните про убийство Майи Дурбан.

Магнус кивнул:

– Да, конечно, помню. Жуткая история. Вы еще никого не арестовали? Уже много времени прошло. Я и по газетам следил, Эва больше никогда об этом не говорила, и я подумал, что вы пришли совсем по другому поводу, про Дурбан я почти забыл. Но, пожалуйста, спрашивайте. Что знаю, расскажу.

Он развел руками. Симпатичный мужик, приветливый, открытый.

– А что вы подумали? – полюбопытствовал Сейер.

– Э-э-э... Может, поговорим об этом потом?

– Хорошо.

Сейер взял из рук хозяйки стакан «Сулу» и поблагодарил.

– Вы были знакомы с Майей Дурбан?

– Нет. Не был. Но я о ней слышал. Эва и Майя расстались, когда были еще девчонками. Но в детстве они были довольно близкими подругами. Ну, вы знаете, как это обычно бывает у девчонок: друг задруга горой, водой не разольешь. Она совершенно случайно прочитала в газете, что Майя убита. Они не виделись с шестьдесят восьмого года. Или, может быть, с семидесятого?

– Да, верно. Если не считать того дня, когда Майя была убита. Нет, это было днем раньше. Они встретились в городе. А на следующий день Эва навестила Дурбан у нее на квартире. – Сейер быстро взглянул на Юстейна: – А вы не знали?

– Нет, – медленно произнес он. – Она... Ну, ладно. Наверное, она забыла мне об этом сказать, – произнес сказал он, кривовато улынувшись.

Сейер удивился.

– А кстати, вам что-нибудь говорит имя Эгиль Эйнарссон? – Онпил «Сулу» и чувствовал себя легко и свободно; в конце концов, в этом доме жили люди, которые ни в чем не были виновны, и это делало обстановку непринужденной.

– Нет, не думаю. Если только так не звали того парня, чей труп плескался в реке пару недель назад.

– Именно так его и звали.

– А-а-а... Ну, понятно. Я слышал эту историю.

Юстейн достал из кармана рубашки трубку из красного дерева и принялся искать на столе спички.

Пышная Софи суетилась вокруг, в одной руке у нее был пакет арахиса, а другой она пыталась нашарить в шкафу какую-нибудь вазочку, чтобы его туда высыпать. Арахис Сейер ненавидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.